

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ОЛЬГА ПАШНИНА

ПРОПАВШАЯ
ПРИНЦЕССА

Ольга Олеговна Пашнина
Пропавшая принцесса
Серия «Академия
Магии. Большой покет»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66891588

Пропавшая принцесса: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-162539-9

Аннотация

Увлекательное приключение юной адептки не оставит никого равнодушным. Точные наблюдения и искрометный юмор Ольги Пашниной скрасят холодные зимние вечера!

Дейна – адептка провинциальной магической академии, дочь портных, привыкшая всего добиваться сама. А когда-то у нее была совсем другая жизнь: вместо комнаты в общежитии – королевский дворец, вместо лекций и практик – балы и приемы, вместо романа с преподавателем – предстоящий династический брак. Так бы и случилось, если бы человек, воспитавший принцессу, тот, кому она бесконечно доверяла, не предал ее, а боги не обрекли на смерть. И она бежала. В никуда. Без надежд и планов.

Однако судьба не оставляет выбора. Пришло время принцессе Дейнатаре вернуться. Ради того, чтобы обрести себя, перевернуть

весь мир, найти истинную любовь и раскрыть тайны, о которых она еще знает. Тайны из прошлого.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	30
Глава третья	56
Глава четвертая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ольга Олеговна Пашнина

Пропавшая принцесса

© Пашнина О.О., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Ее нет. Принцессы больше нет.

Никто не выживет в такую метель. Даже взрослый, застигнутый стихией врасплох, рискует заплатить за беспечность жизнью, что уж говорить о ребенке?

– Что нам делать, Карнатар?

Король с такой силой сжимал спинку кресла, что его пальцы побелели.

– Мои люди ее ищут, – отозвался советник. – Она не могла уйти далеко.

Они замолчали, понимая, что это лишь дежурные слова, которые полагается говорить в таких случаях. За окном нулевая видимость, мороз, ветер и снежные вихри, особенно опасные в этой части страны. Метель могла длиться больше недели, и пропавших порой находили только к лету. У маленькой Дейнатары нет никаких шансов, и каждый присутствующий в комнате это понимал.

– Ничего не хочешь сказать, Жозетт? – спросил его величество. – Что случилось? Почему моя дочь в бурю сбежала из дворца? Что ты ей сказала?

– Я?! – вздрогнув, истерично и слегка наигранно воскликнула она. – Ты во всем винишь меня, отец! Может, дело в том, что моя сестра – всего лишь маленькая избалованная девчонка? Она не в первый раз выкидывает нечто подобное.

Ваша паника совершенно напрасна, я уверена, она где-то в замке. Прячется или уснула в каком-нибудь укромном уголке. Вы, Карнатар, очевидно плохо справляетесь со своей работой...

– Хватит! – Король хлопнул по подлокотнику. – Прекрати немедленно! Дейнатара – принцесса по крови, ты не смеешь так о ней говорить! А Карнатар – мой советник, и в его обязанности не входит постоянный контроль за моими детьми. Замолчи, Жозетт, иначе пожалеешь!

Господин советник откашлялся и произнес:

– Мы обыскали замок. Ее здесь нет. Как и ее зимних вещей. Она снаружи, это очевидно. Мне нет дела до причин, толкнувших ее на побег, но я сделаю все, чтобы найти принцессу.

Король кивнул.

– Отыщите ее, живой или мертвой. Поднимите всю стражу, пусть обшарят каждый клочок земли! Постарайтесь сохранить все в тайне. Не исключайте того, что принцессу могли похитить. Сообщайте мне любые новости.

– Да, ваше величество. Я сделаю все, что от меня зависит. Однако должен предупредить, что надежды почти нет. Мы не знаем, когда Дейнатара сбежала, но, скорее всего, она уже мертва. Такая метель...

– Я понимаю, Карнатар. Понимаю. Но это моя дочь. Я буду ждать...

– Отдохните. Вам нельзя волноваться, мой король.

Очередной порыв ветра распахнул створку окна, впус­тив в гостиную ледяной воздух и жуткий вой ветра. Несмотря на страшную метель, небо было удивительно чистым. Ледяное проклятие снова накрыло столицу. Карнатар невольно засмотрелся на россыпь звезд.

Ему хотелось верить, что девочка не замерзла в метели. Что она сейчас тоже смотрит на эти звезды. И что у него еще есть шанс ее найти. Невозможно было смириться с тем, что он вновь совершил ошибку. С каждым новым циклом они даются ему все тяжелее.

Сердце подсказывало: принцесса жива. Разум твердил: сми­рись.

А опыт знал, что история повторяется. И тот, кто не сумел спасти собственную душу, вряд ли сумеет спасти маленькую про­павшую принцессу.

Особенно если сам стал причиной ее побега.

Глава первая

Однажды я вспомню студенческие годы с теплотой и ностальгией. Но сегодня мне хотелось вспомнить хотя бы прошлую ночь. Разумеется, день рождения Лалы – событие неимоверной важности, на котором должна присутствовать вся общага. Но как теперь писать контрольную – вопрос из вопросов.

Одна проблема: ничего, кроме сока, я на вечеринке не пила. А все выученные параграфы словно стерло из памяти. Не стоит пить напитки из незнакомых емкостей. По идее, меня этому должны были научить. То ли не успели, то ли... А скорее, я плохая ученица, с детства не отличалась прилежанием.

Я посмотрела на Смиля – высокого темноволосого парня с неприятными, постоянно прищуренными глазами. Он быстро строчил что-то на листке, и я завистливо вздохнула. Вроде присутствовали на одном празднике, я совсем расклеилась, а он бодрячком. Смиль, будто почувствовав мое отчаяние, повернулся и гаденько так ухмыльнулся. Я сразу поняла, что во всем виноват именно он. Давно ведь обещал поквитаться.

Мысленно пообещав парню скорую месть, я вернулась к делам насущным.

Контрольная. По общей магии, будь она неладна. Два вопроса, ни на один из которых я ответить не могу.

«Перечислите основные принципы бытовых заклятий,

дайте определение, приведите примеры и запишите основные формулы».

В сознании ни намек на ответ, а ведь это первый вопрос из тех, что я учила!

Люди придумали множество магических снадобий, стирающих память. Большинство из них вне закона, но небольшая часть настолько проста в изготовлении, что, как бы ни билась законники, препятствовать их использованию не могли. Наверняка именно эту гадость мне подмешали в стакан сока вчера на вечеринке.

«Разделение магии на стихийную и природную».

Ладно, они стерли мне память, но мозги не отобрали! Это просто.

«Магия делится на стихийную и природную».

Я скептически посмотрела на первую строчку. Гениально, ничего не скажешь.

Больше ничего в голову не лезло. Ответ, в принципе, я знала, но вот сформулировать почему-то не могла. Нет, больше точно не пью. Особенно со Смилем.

Я почти смирилась с двойкой. Пересдам. Скажу, что простыла, ужасно болит голова, тошнит. Не впервой. Конечно, косяков за мной достаточно, чтобы лишиться стипендии на полгода, но у нас добрая лекарка, войдет в положение.

А еще можно сказать как есть: праздновали день рождения однокурсницы, что-то подсыпали, теперь плохо, аж зубы сводит. Правда, доказать не выйдет. Эта сволочь осторожен

донельзя. Следов зелья наверняка уже нет.

Я вдруг рассердилась на себя. До чего глупое поведение: зная, что Смиль, можно сказать, ненавидит меня, потащиться на общую вечеринку и так глупо попасться!

– Как контрольная? – ехидно прошептал парень, словно услышав мои мысли.

Сразу захотелось съездить ему по темной башке чем-нибудь тяжелым.

– Хорошо, – буркнула я и уткнулась в листок.

Оставалось еще досидеть до конца пары и не попасться профессору Нер – сухонькой и на вид безобидной, но очень строгой и эмоциональной старушке. Встреча с ней не сулит ничего хорошего, кроме отработки и долгих объяснений, почему я не подготовилась к контрольной.

Я едва удержалась, чтобы не застонать. Слава богам, через неделю зимние каникулы, практика и перерыв в бесконечной череде лекций, контрольных, практикумов, аттестаций и выволочек.

Пока я мечтала о практике, прямо перед моим носом пролетела скомканная бумажка. Она рикошетом вернулась обратно, и я поняла, что записка предназначалась именно мне.

Это оказалась карикатура, выполненная явно умелой рукой: нарисованная девочка, подозрительно похожая на меня, с такими же кудрявыми черными волосами и огромными, вечно удивленными глазами, ревела, а страшная карга, символизировавшая, очевидно, профессора Нер, орала на нее,

брызжа слюной и размахивая указкой.

Раздался гогот со стороны Смиля.

Я скривилась и сунула записку в сумку, чтобы никто не увидел.

– Вот идиоты, – шепнула мне Эри, сидевшая сзади. – Давай я скажу Тару, он их научит уму-разуму!

Тар... Я задумалась. Он был новым увлечением моей подруги. Здоровенный парень из отделения боевой магии, на год старше нас.

– Не надо, – шепнула я. – Смиль – придурок.

– Как контрольная?

Эри наверняка все сделала, с ее-то мозгами. Да и я бы сделала, если бы не Смиль. Убью его.

– Никак, – отозвалась я. – Плохо после вчерашнего.

– Ты же ничего не пила, – нахмурилась подруга и задумчиво взъерошила свои короткие волосы.

– Оказывается, ничего было не такое уж и ничего, – усмехнулась я.

– Дейна Сормат! – От крика профессора Нер подскочил весь ряд. – Встать!

Я послушно встала, чувствуя, что не видать мне пересдачи, а значит, и стипендии. Глаза Смиля горели радостным огнем предвкушения.

– Да, профессор Нер. – Я как послушная студентка опустила голову и приняла покаянный вид, хотя очень хотелось нецензурно выругаться.

– Дейна, что происходит в данный момент на моей паре? – почти ласково поинтересовалась профессор.

– Контрольная, – пролепетала я.

– Это вы усвоили. Замечательно. А знаете, чего нельзя делать во время контрольной?

– Разговаривать, – не стала кривить душой я.

– И это верно. А вы?

– А я разговаривала. – Я издала скорбный вздох, означавший полное признание вины.

Впрочем, профессор Нер на своем веку повидала немало профессионалов, умеющих напускать такой вид. И к моей актерской игре осталась равнодушна.

– Идите к директору, – бросила профессор и отправилась к своему столу.

– Но, профессор... – попыталась я возразить.

– Немедленно, Сормат! Иначе уйдете вместе со своей подругой!

Пришлось сгрести все в сумку и двигаться к выходу, чтобы не подставлять Эри.

– Сормат! – уже у самых дверей настиг меня крик профессора Нер.

– Да?

– Контрольную сдайте.

Вот шипастая задница демона! Я думала, забудет.

Профессор сердито поджала губы, когда увидела пустой лист, весьма неаккуратно подписанный и помятый.

– И что это?

– Листок. – Вопрос меня удивил.

– А на нем что?

– Контрольная, – ответила я. И, подумав, добавила: – Должна быть.

– И где она?

– Ее нет.

Мне уже хотелось куда угодно: в кабинет директора, в пасть к дракону, в кипящий источник, на прием к королю, лишь бы эта старая карга оставила меня в покое. Хотя нет... на прием к королю как-то не очень хотелось, там меня точно не ждут.

– Так, Сормат, придется выписать вам наказание. Отнесите этот свиток директору. И не смей распечатывать! Не для вас писано.

Она сунула мне в руки небольшой свиток с преподавательской печатью. Я знала, что это бланк на наказание, которое определяет директор, но ни разу еще за три с лишним года учебы мне его не выписывали. Ощущение, что дня сквернее этого быть не может, прочно укрепилось в душе.

Выходя под пристальным взглядом профессора Нер, я мечтала только об одном: оказаться в своей уютной комнате и немного поспать, пока не пришла Эри.

Наверное, во мне еще оставались крохи от той послушной девочки, какой я была в детстве, потому что вопреки желанию я направилась в подвал, где восседал господин дирек-

тор. Вообще это немного странно, по доброй воле работать в подвале. Я всегда подозревала, что это сделано для устрашения накосячивших студентов. К счастью, в кабинет директора я почти не попадала, прекрасно понимая, что в моем положении не стоит привлекать лишнего внимания. И долгое время это даже удавалось, хотя на парах профессора Нер играть роль идеальной адептки не всегда получалось – она, казалось, ненавидела меня без всяких причин. Так что штрафные баллы я все равно получала с завидной регулярностью.

Перед дверьми кабинета я остановилась, переводя дыхание.

Кэдерн Элвид, директор Риверского магического университета. Один из двенадцати директоров, входящих в Научный совет короля, учился лично у Сертана XV. Родовая магия смешанная, наполовину темная, наполовину светлая. Суров, строг и импульсивен, как говорят старшекурсники. Лично из моего окружения никто с ним знаком не был.

Вот уж не думала, что выходка Смиля будет грозить мне директорским наказанием. А Смиль? Предполагал ли он такой благоприятный для себя исход? Вряд ли.

Я постучалась, едва не отбив костяшки пальцев о холодное дерево. Неизвестно, услышал меня директор или нет, но двери медленно открылись.

Профессор Элвид, явно уставший, заваривал чай.

Он был выше меня на целую голову, хотя я не могла сказать, что обладаю маленьким ростом. Длинные медные воло-

сы директора были собраны в хвост, пиджак небрежно брошен на диван, а рукава парадной рубашки закатаны до локтей. Широкие плечи внушали особое уважение. И хотя страх перед ним я испытывала скорее иррациональный, нежели продиктованный какой-то реальной опасностью, я не могла заставить себя вымолвить ни слова. Просто стояла и смотрела, как мужчина спокойно наливает себе чай, садится в кресло и поднимает на меня глаза.

Медные, кстати, как и волосы, глаза. Внимательные.

– Я вас слушаю, студентка.

Он заметил в моей руке свиток и коротко кивнул, приказывая отдать его.

– Садитесь. – Он указал мне на кресло, и я послушно села.

Кэдерн Элвид развернул свиток, пробежал его глазами и удивленно на меня посмотрел.

– Сормат? С третьего курса, общая магия? Во имя трех богов, что вы натворили? С вашей специальности я еще ни одного студента с такой бумагой не видел!

Я потупилась.

От старшекурсников приходилось слышать, как проходят аудиенции у директора. Он очень внимательно рассматривал каждое нарушение и учитывал буквально все – от среднего балла до внеуниверситетских достижений.

– Вас как зовут? – мягко спросил он.

– Дейна.

– Это полное имя?

– Да. – Я почему-то вздрогнула. – Дейна Сормат.

– Кто родители?

– Алан и Агрона Сормат, портные.

– Местная?

– Да, господин Элвид. У нас дом в Старой Ривере.

– Хорошо.

Он щелкнул пальцами, и на стол упала небольшая коричневая папка с моим именем и фамилией на корешке. Личное дело – поняла я.

– Итак, Сормат. Третий курс, специализация – общая магия. Поступила в последней десятке, на шестом месте, со ста восьмьюдесятью баллами в общем зачете. Провалилась на истории, неплохо сдала этикет. Средний балл – три целых шестьдесят одна сотая. Научной работы нет, дисциплинарных восемьдесят пять баллов из допустимых ста, внеучебных достижений нет. Наград, грамот, стипендий, премий и благодарностей не имеет. Негусто, Сормат.

Я похолодела. Не знала, что у меня восемьдесят пять баллов дисциплинарных проступков. Еще пятнадцать до ста – и отчисление.

Меня вдруг резко затошнило; любой свиток директорского наказания – двадцатка. Пять баллов превышения!

– Вижу, вы понимаете, в каком вы положении, – кивнул директор. – Давайте разберемся с претензиями профессора Нер. Здесь написано, что вы разговаривали на контрольной, это правда?

– Да, – кивнула я, чувствуя, как дрожат руки.

– Значит, два балла нарушения есть. – Директор записал в таблицу свитка два балла. – Далее идет невыполнение обязательного задания, пять баллов.

– Да, я не написала контрольную.

– Это вторая попытка?

– Первая. – Я говорила совсем тихо, опустив голову.

– Значит, ноль. Баллы записываются только со второй невыполненной работы.

Я облегченно выдохнула: забрезжила надежда. Меня все еще могли выгнать, но теперь появился шанс, что сумею удержаться в университете. Вот только был ли шанс доучиться оставшиеся два года с таким мизерным запасом штрафных баллов за нарушения дисциплины?

– И тринадцать баллов за хамство в разговоре с профессором. Дейна, вы хамили профессору Нер?

В голосе директора слышалось неподдельное удивление.

– Нет. – Я подняла на него испуганные глаза. – Нет!

– Хм, возможно, имела место ошибка... Стоит проверить.

Он лениво махнул рукой, и в комнате образовалось туманное пятно, которое вскоре преобразилось в картину недавней сцены.

Профессор Нер смотрела на меня так, словно я была каким-то насекомым, случайно залетевшим в ее идеально чистый и новый дом. Насекомым шумным, противным и маленьким.

– И что это?

– Листок. – Теперь я уже явственно слышала хихиканье студентов, которым мой ответ почему-то показался забавным.

– А на нем что?

– Контрольная... Должна быть.

Явный хохот. Почему тогда я не уловила даже отголоска всеобщего веселья?

– И где она?

Остальные студенты откровенно посмеивались, наблюдая за ситуацией.

– Нет.

– ...Что ж, – Кэдерн развеял иллюзию, – я не усматриваю в этом каких-либо нарушений. Хотя вам, Сормат, стоит подумать о своем будущем. Я записываю на ваш счет семь баллов. В итоге методом нехитрых вычислений получаем, что вам остается... восемь баллов до отчисления. Вы понимаете, в какой вы ситуации?

– Да, господин директор. – В своих словах я была совершенно не уверена.

– Мне кажется, нет, – отрезал Кэдерн.

А я-то понадеялась, что отделалась легко.

– Дейна, я являюсь директором вот уже десять лет. И никто на моей памяти не подходил к середине третьего курса с таким количеством нарушений. Я понимаю, вы – приемный ребенок, единственный и поздний. Ваши родители

бедны, у вас было трудное детство – да, я в курсе, как во вверенном мне учебном заведении относятся к детям бедняков, – и весьма непростое студенчество. Но, Дейна, вам всего лишь девятнадцать и впереди долгая жизнь. Вы не лишены способностей, а значит, могли бы сделать прекрасную карьеру в выбранной специальности. Но с вашим поведением... Это невозможно описать. Давайте взглянем. – Он перелистнул страницу папки. – Первый курс: разговаривала на паре по физической подготовке, нецензурно ругалась в музыкальной аудитории, не выполнила требований преподавателя. Двадцать пять баллов. Второй курс: нарушение режима – три раза, невыполнение домашних заданий – два раза, неподобающий внешний вид – пять раз. Тридцать баллов. Третий курс: нарушение режима – три раза, невыполнение домашних заданий – четыре раза, курение в неустановленном месте, нарушение часа тишины, самовольная отлучка с занятий, прогул, разговоры на паре, невыполнение задания. Тридцать семь баллов.

Директор отложил папку и посмотрел мне в глаза.

– Что происходит, Сормат?

Не могла же я ответить: «Это все Смиль и его дружки, которые меня ненавидят».

– Я жду. Отвечайте. Почему вы так безобразно себя ведете? Вы понимаете, что восемь баллов – это недостаточно, чтобы нормально закончить учебу?

Я кивнула.

– В среднем студент получает около десяти баллов нарушений за год, даже если это добросовестный студент. Невозможно все успевать, и наша система это учитывает – при нормальном темпе учебы студент получает свои пятьдесят баллов и в дальнейшем не имеет проблем с трудоустройством. Более нерадивые студенты имеют от пятидесяти до семидесяти баллов. Но никто на моей памяти не имел больше девяноста. Вы в своем роде рекордсменка, Дейна.

Я ошибалась – этот день *мог* быть хуже.

– Я буду стараться, господин директор. Я окончу университет.

Он тихо рассмеялся, и я вздрогнула.

– Вы, Дейна, очевидно, попали в поле зрения профессора Нер. Она дама в возрасте и... весьма злопамятна. Вы понимаете, что жалкие восемь баллов сумеете набрать за какую-то пару недель? Еще до зимних каникул вы окажетесь среди отчисленных. И не просто отчисленных, а отчисленных по дисциплинарной статье.

– И что мне делать? – Я упрямо вскинула голову, вдруг разозлившись. – Вы мне все это говорите для того, чтобы я собирала вещи, или хотите предложить способ все исправить?

– Исправить? – поднял брови директор. – Дейна, это нельзя исправить. Чем вы думали, когда нарушали правила? Вы учитесь не в последнем университете страны. У достаточно квалифицированных преподавателей. Живете в благоустро-

енном общежитии, питаетесь бесплатно, получаете стипендию. Вам оплачивают отдых и практику, вы получаете канцелярские принадлежности и книги, а также форму. Вы получаете лечение у хороших врачей. Что, Дейна?! Что мешает вам вести себя как добропорядочная, скромная и спокойная студентка?

Вероятно, мое молчание его напрягло. Потому что сейчас директор выглядел не таким безмятежным, как в начале нашего разговора.

– Делайте что-то, Дейна. Иначе я буду вынужден попроситься с вами. – Кэдерн замолчал и уставился на меня.

– Что делать? – Я растерялась от внезапного перехода.

– Что-нибудь. Вы что, хотите вылететь?

– Я не хочу. У меня еще восемь баллов есть, что я еще могу сделать? Только вести себя лучше.

Очевидно, директора мой ответ не удовлетворил. Воцарилась тишина.

– Мы иногда снимаем штрафные баллы, – наконец сказал он.

Я встрепенулась.

– Снимаем, – подтвердил он. – За особые заслуги.

Я непонимающе уставилась на него, но где-то на краешке сознания та Дейна, которую я усиленно прятала, все поняла.

– Заслуги? – переспросила я.

– Заслуги, услуги... Какая разница?

– И сколько баллов вы снимаете за... заслуги? – Я, как мне

показалось, покраснела и в этот момент остро возненавидела себя.

– Половину от имеющегося количества.

Половину. Я потрясенно замерла. Это сорок шесть баллов. Пятьдесят четыре свободных балла до пятого курса! Вот что следует называть путевкой в жизнь, а не одноименные услуги свах и сводниц королевства.

Медные глаза глядели на меня с интересом и ожиданием.

– Чего вы от меня хотите? – устало выдохнула я. – Скажите прямо, как мне быть, профессор.

– Сормат, вы умная девушка. Красивая, молодая, талантливая. Подумайте сами: восемь баллов против пятидесяти. Это серьезно.

– Серьезно, не спорю. Весь вопрос в том, что именно придется делать. Вы знаете, вся эта внеучебная деятельность... Актриса я никудышная. Пою плохо, организаторскими способностями не обладаю. Не рисую, не танцую. Пишу неграмотно. Только колдую неплохо, но тем и ограничиваюсь. Я не понимаю, какую пользу могу принести университету.

Кэдерн поднялся, присел на краешек стола передо мной и посмотрел на меня сверху вниз. Он выглядел... впечатляюще, большего я сказать не могла. У меня перед глазами до сих пор стояла перспектива отчисления, так что смысл его взглядов и жестов до меня дошел слишком поздно.

– Быть может, вы можете принести пользу руководству университета? – проникновенно спросил Кэдерн.

– Вам? – уточнила я.

– Мне, – согласился директор. – Лично. Но у моего предложения есть существенный минус. Придется заняться этим во внеучебное время. Готовы потратить драгоценные часы отдыха?

И что-то в этом «лично» было такое, отчего плотину гнева, зародившегося во мне еще утром, прорвало. Я с трудом удержалась от заклятия или оплеухи. Вскочила так стремительно, что Кэдерн отпрянул.

– Как, – я на миг задохнулась, – как вы вообще посмели хотя бы намек сделать?! Я, по-вашему, кто – бульварная девка? Я что, похожа на шлюху?

– Дейна, успокойтесь, – усмехнулся Кэдерн.

– Вы отвратительны! Да, у меня проблемы, да, я не могу с ними справиться без чужой помощи. Но...

– Дейна! – рявкнул директор. – Успокойтесь, ради трех богов! Я не собирался вам предлагать ложиться в мою постель, я собирался попросить вас заняться канцелярией лично для меня. Это должен выполнять архивариус, но он, увы, не может. Я собирался предложить вам работу на выходных. Неофициальную, но оплачиваемую списанием баллов. А вы, что довольно глупо, истолковали все по-своему. Теперь я, кажется, понимаю, почему у вас такие проблемы с дисциплиной. Научитесь сначала думать, Дейна, а потом кричать.

Вот тогда я действительно густо покраснела и отвела глаза. Я еще не попадала в более глупую ситуацию. Хотя мог бы

и не напускать столько тумана.

– Простите меня, – снова опустила голову, – я не так поняла.

– Я заметил, – сухо откликнулся директор. – Так что, канцелярская работа вас устроит?

– Конечно, спасибо. – Я быстро закивала.

– Тогда в субботу я жду вас в своем кабинете. В двенадцать. Попрошу не опаздывать.

– Да, господин директор. – Я встала. – Можно идти?

– Идите, Сормат. И постарайтесь не заработать еще штрафных баллов, не то мне все-таки придется вас отчислить.

– До свидания.

Я выскочила из кабинета и едва не вприпрыжку побежала в общежитие. Визит к директору давал мне право не возвращаться на пару профессора Нер, а идти сразу на следующую пару. А поскольку занятие этой старухи у нас до обеда было единственное, я поспешила в свою комнату.

Заварить чай и успокоиться – вот чего мне сейчас хотелось больше всего.

После окончания пары я мрачно смотрела, как Эри заливисто хохочет, едва не падая с кровати. Пожалуй, не стоило ей рассказывать о сцене в кабинете директора.

– Дейна, твою мать. – Эри ржала, не постесняюсь этого слова, как конь, едва не хрюкая. – Ты – шедевр! Он теперь тебя точно не забудет.

– Я думала, он меня выгонит, – призналась я.

– Отделалась бумажной работой, – вытирая слезы, уже серьезно сказала Эри. – Повезло. Ты и вправду была на грани отчисления.

– Точно.

За окном пошел дождь, совсем не соответствовавший концу декабря. Интересно, как я поеду на практику, если дороги развезет. Ни один экипаж не пробьется в ту глушь, куда меня определили.

– Что там со Смилем? – спросила Эри. – Он так выпендривался, когда прозвенел звонок. Нес что-то насчет тебя и старых счетов.

– Смиль, скотина, у меня получит. Он что-то подмешал мне вчера. Я не вспомнила ни одного ответа!

По глазам Эри я поняла, что она мне не очень-то поверила.

– Может, билет неудачный?

– Первый и девятнадцатый вопросы.

– Ой...

Эри, жившая со мной с первого курса, знала и то, как хорошо я учу билеты и что уж точно не могу забыть ответы из самого начала. Первый и десятый билеты! Не могла я их забыть, не могла!

– Убедила, – хмыкнула подруга. – И что делать будем? Может, позвать Тара?

– Да отстань ты со своим Таром, – отмахнулась я. – У ме-

ня восемь баллов резерва. Надо ждать удобного случая поквитаться со Смилом.

– И когда же он, по-твоему, наступит?

– Наступит, Эри, не волнуйся. Смиль слишком самоуверен, чтобы ожидать от меня гадости. Но я злопамятная и терпеливая.

В коридоре послышался звук торопливых шагов, а в следующее мгновение дверь распахнулась, явив нам наголо бритого голубоглазого Тара. Недовольного, мокрого и угрюмого.

– Привет, Дейна, – поздоровался он, едва окинув меня взглядом.

И уставился на Эри.

– Мы идем?

Подруга лишь отмахнулась:

– Подожди, Тар, я разговариваю. – И уже мне пояснила: – Мы собирались пойти гулять.

– А как же физическая подготовка?

После обеда была всего лишь одна пара, зато самая нелюбимая.

– Да брось! Дождь идет, никто не заставит нас бегать в такую погоду. – Эри схватила пальто. – Только не делай ничего со Смилом, пока меня не будет.

Я скривилась.

Дверь за подругой захлопнулась.

Мне, вопреки ожиданиям Эри, Тар нравился. Он идеально подходил ей, веселой и активной. Спортсмен, боец, не ли-

шен интеллекта и природных способностей, галантен и на удивление адекватен. Помнится, я даже на него заглядывалась курсе на первом, но тогда была слишком поглощена собственными проблемами, чтобы устраивать личную жизнь. А вот Эри пару месяцев назад (хотя нравилась она Тару куда дольше) соизволила обратить на парня внимание. Пока у них все шло хорошо, и я очень надеялась, что так оно и останется.

Я машинально пригладила непослушные кудри, рассеянно отметив, что опять получу замечание от тренера за неподобающий внешний вид. Впрочем, он не станет записывать мне баллы. Тренер Ритриц, наверное, единственный человек во всем университете, который ни разу не записал мне дисциплинарных нарушений. Может, потому, что хотя бы на его парах я держалась в десятке лучших, а может, потому, что он никогда не был профессором.

Впрочем, Эри права – в такую погоду нас точно не выгонят на улицу, а в самом университете после летней сессии спортивный зал еще не отстроили. Там у нас летом боевые маги сдавали практику, завалили всем составом. И сессию, и зал, и еще пару человек, которым не посчастливилось в этот момент там находиться. Жаль, я этого не видела, дома гостила.

Дурацкая зима выдалась в этом году. Вроде как уже должна была полностью вступить в свои права, а снега еще кот наплакал. И как тогда Новый год праздновать? Без традици-

онного турнира по снежкам? Впрочем, надежда еще, конечно, оставалась.

Я часто маялась от скуки в конце семестра. Сдавала все вовремя, хоть и не с самыми лучшими баллами, наблюдала за «хвостатыми» студентами, удивляясь, как можно нажить столько долгов и почему должников еще не отчисляют. Работы, которую я брала обычно, конечно, становилось больше: заказы на каллиграфию были сплошь поздравительными и позитивными, но этим дело и ограничивалось. Вечерами я подписывала многочисленные открытки, отправители которых хотели, чтобы их поздравления выглядели идеально, а днем, между парами, сидела в библиотеке, читая в кои-то веки художественную литературу.

Но сейчас читать не хотелось. В памяти постоянно всплывала встреча в кабинете директора. Стыд вспыхивал каждый раз, когда я прокручивала последние минуты разговора. Но что-то еще не давало мне перестать думать об этом и порадоваться возможности получить полтинник резерва.

Что именно, понять было сложно.

Глава вторая

– Спую тебе я песню... о пропавшей принцессе, – надры-
валась в душе Эри. – Что зимою в стужу...

– Упала в лужу! – рывкнула я. – Эри, у меня работа, не
могла бы ты потише?

– Зануда! – крикнула в ответ подруга.

Пары после обеда и правда не было. Тренер долго сокру-
шался о потерянном времени, отвлекая меня от созерцания
толпы студентов-театралов, которые возвращались после ре-
петиции и до сих пор выглядели как бродячие циркачи – ма-
гия изменения внешности оказалась крепче, чем в прошлой
партии. Но все-таки отпустил, убедившись, что до звонка
дождь точно не закончится. Остаток времени я провела за
работой, радуясь, что с заработка вполне смогу купить роди-
телям хороший подарок на Новый год.

«Дорогой Леон!

Посылаю тебе открытку в память о произошедшем летом.
Твоя Арлин».

Я даже поперхнулась. Уж не королевскому ли сынку пред-
назначена открытка?

Клякса упала прямо на старательно выведенное имя. Я
выругалась.

Быстро убрала грязь и дописала поздравление. Какое мне
дело до какого-то Леона и его Арлин? Не факт, что это

принц, быть может, совершенно другой Леон, живущий в маленькой деревеньке, летом отправляющийся на заработки в чужие края, а днем сидящий подле матери, охотник и защитник.

Деревенскому пареньку – да каллиграфическую открытку за три серебряных?

Ну ладно, может... может, это городской франт, путешествующий по дальним краям на деньги, полученные в наследство.

В дверь громко постучали, и клякса снова упала на открытку несчастного Леона. Не везет сегодня бедняге.

– Открыто, – крикнула я.

В проеме показалась рыжая голова Коля – главы студенческого комитета. Коль был идеальным организатором, благодаря его бурной деятельности у нас появились музыкальные инструменты, бесплатные курсы вокала, отремонтированная площадка для выступлений и угощения на репетициях.

– Привет, Сормат! – Он подмигнул мне и помахал в воздухе какими-то бумажками.

– Привет, Коль. – Я наконец закончила Леонову открытку и бросила ее в кучу уже готовых. – Ты по делу? Или чайку?

– От чая не откажусь. – Довольный Коль уселся на кровать Эри. – А вообще по делу. Хочешь два бесплатных билета на новогодний бал?

– Бесплатных? – Я усмехнулась, наливая ароматный чай в запасной стакан. – Бесплатно, дорогой Коль, от нашего орг-

комитета ничего не бывает.

– Так хочешь пойти или нет? – насупился первокурсник.

Хочу ли я? На новогодний бал, вечеринку для элиты университета? Для отличников, активистов, детей спонсоров и победителей конкурсов? На вечеринку, где студентам разрешается выпить вина, где по-настоящему весело и интересно? Хочу ли я туда пойти, да еще и прихватить с собой кого-нибудь?

– Цена вопроса? – усмехнулась я.

– Сыграешь три композиции, – незамедлительно ответил Коль.

– На новом рояле?

– Обижает, Сормат. Разумеется.

Я сделала вид, что задумалась. Перспектива не только посетить новогодний бал, но и выступить на нем вдохновляла.

– По рукам!

Коль просиял и махом выпил целый стакан горячего чая.

– Класс! Выступишь после танцоров. Композиции на твой выбор, но «Зимнюю» сыграй обязательно. И еще... – он что-то бросил в мою сторону.

Машинально я поймала предмет, который оказался ключом.

– Это от репетиционного зала, – пояснил Коль. – Репетируй, когда там свободно. Правда, в основном, по вечерам.

– В любое время? – спросила я.

– В любое. Кэдерн поставил шумодавилку, тебя никто не

услышит.

Коль положил на столик два билета на бал. В этом году они были оформлены в черно-белых тонах. Близняшки-художницы Ирма и Велма превзошли сами себя. Рисунок, на котором изображалась танцующая девушка, выглядел так, будто это иллюзия, запечатленная магом.

За Колем уже захлопнулась дверь; уговорив меня выступить, он счел возможным завершить визит вежливости.

– Кто приходил? – Счастливая и уставшая Эри вылезла из душа.

– Коль. – Я показала на билеты. – Звал выступать на бал.

Подруга широко улыбнулась:

– Здорово, что ты пойдешь, Дейна!

Эри как отличница из года в год имела право на посещение бала. Впрочем, право платное, так что второй билет пришлось везьма кстати.

– Держи. – Я протянула ей листок.

– Ты никого не позовешь с собой? – Эри округлила глаза.

– Кого? Я же ни с кем не встречаюсь. Да и не дружу ни с кем, кроме тебя.

– Но... это хороший повод с кем-нибудь познакомиться, верно? Я имею в виду, что у тебя есть два билета и можно кого-нибудь пригласить... просто потому, что они есть.

– Эри, я хочу пригласить тебя. У тебя что, лишние деньги? Кстати, Тар пойдет?

– Пойдет, – просияла Эри. – Он меня пригласил и почти

заплатил за мой билет.

– Почти?

– Ну если ты даешь мне билет, ему не надо будет платить.

– Вот и славно, сэкономим Тару стипендию.

Глядя на счастливую Эри, я поняла, что все сделала правильно. Ничто не принесет мне больше радости, чем видеть счастливую подругу. Эри была одной из немногих людей, которыми я дорожила и за которых безумно боялась.

– Спою тебе я песню... – мурлыкала Эри, переодеваясь в ночную рубашку.

– Ради трех богов, – поморщилась я, – не пой эту ужасную песню.

Эри звонко рассмеялась. Уходя в душ, я слышала, как она снова что-то запела, на этот раз веселое. Да, конец первого семестра у нас всегда наполнен приятным предвкушением праздника.

На рояле меня научила играть госпожа Лин – молодая учительница музыки. Она постоянно жила у нас, обучая игре и меня, и сестру. Еще она, кажется, преподавала кулинарию и бальные танцы, но мачеха считала, что мне было рано ходить на такие уроки. Я любила играть на рояле в детстве, но в юности совсем забросила это занятие и вернулась к нему лишь в конце первого курса. Тогда у нас еще был небольшой магический рояль, он помещался у меня на коленях и звучал так, словно находился на волоске от гибели. Теперь, отчасти благодаря стараниям Коля, отчасти благодаря директору, ко-

торый после трех побед вокалисток на королевских конкурсах раскошелился на новые инструменты, посреди репетиционного зала стоял красавец рояль, сделанный и звучащий без малейшего участия магии.

Я, вопреки логике, старалась ступать тихо. У меня имелось разрешение на ночные репетиции и ключ от зала, но я все равно чувствовала себя преступницей, вторгающейся в чужие владения. Мне казалось кощунственным нарушать эту тишину звуками музыки. Но та часть сознания, что была далека от всего романтического и мистического, требовала репетировать. За две недели до бала я, конечно, успею как следует выучить три композиции, но все же стоит работать.

Стряхнув оцепенение, я села за инструмент и еще минутой привыкала к нему. Прикосновение к темному дереву пробудило далекие детские воспоминания, и на кончиках пальцев зажглись голубые огоньки. Больших трудов стоит магу заставить себя играть руками, не применяя заклятий, но я наострилась еще в детстве.

Первые звуки показались неестественно громкими, но, по мере того как пальцы вспоминали мелодию, я привыкала к этому залу, наполненному музыкой, и понимала, что так и должно быть. Я играла «Зимнюю» – мелодию, написанную лет триста назад специально к новогодней суете. Мелодия была спокойная и грустная, как медленно падающие хлопья снега, кружившиеся в свете фонарей.

С каждой нотой, с каждым аккордом я играла все уве-

реннее, плавнее и красивее. Мне казалось, что меня слышит весь университет, хоть это было и не так.

На миг – на маленький миг – я очутилась в детстве, на уроке музыки, когда госпожа Лин разучивала со мной пьески.

– Леди, вы сегодня хорошо сыграли, – говорила госпожа Лин. – Я расскажу об успехах вашему отцу, уверена, он будет рад.

Отец не был рад. Ему плевать было на мои успехи.

Я остановилась очень резко, оборвав мелодию. Настроение пропало.

Звук аплодисментов заставил меня вздрогнуть.

Из-за колонны вышел мужчина. Он тихо хлопал, не отрывая от меня взгляда медных глаз.

– Господин директор, – удивленно воскликнула я, – вы меня напугали!

– Простите, – усмехнулся Кэдерн, – не хотел.

– Давно вы здесь?

– Со второй части. Просто шел мимо и решил послушать. Вы хорошо играете, Дейна. Гости бала будут в восторге.

Ах, он уже знает. Ну естественно, кому же, кроме него, знать, кто выступает на таком мероприятии...

– Инструмент очень хороший, – буркнула я.

– Инструмент – далеко не все для музыки, – возразил Кэдерн. – Огромную роль играет музыкант.

– Тем не менее наши музыканты не могли сыграть ничего

путного, пока вы не купили этот рояль.

– Ваша правда, Дейна, – рассмеялся Кэдерн. – Я считал разумным приобрести некоторые инструменты. Отчасти из-за вас.

– Из-за меня? – Я растерялась.

– Вы хорошо играете, что в этом удивительного?

Директор уселся на один из немногочисленных стульев по ту сторону рояля.

– Я думала, это Коль выбил деньги.

– Коль... Коль молодец, он увлечен настолько, что я ему верю. Что до денег, милая Дейна, – университет может позволить себе миллион таких роялей.

Я ошеломленно уставилась на директора.

– Тогда почему Коль бьется практически за все? Рояль, другие инструменты, сцена, курсы?..

– Ценность чего-либо, Дейна, познается только тогда, когда это «что-то» достается трудом. В университете вы учитесь не только магии и профессии, вы учитесь жизни в том числе. Я хочу, чтобы каждый студент знал цену благ, которые получает.

– Но ведь, – я лихорадочно придумывала, что бы такое сказать, – цену инструментам, курсам и сцене знают только те, кто участвовал в их закупке и поиске. Как быть с остальными? Кто не интересуется сценой?

Кэдерн странно улыбнулся, словно бы ободряюще.

– Кто сказал, что у меня в запасе только одна методика

обучения? Каждому свое.

Я молчала, гадая, с чего бы директору так откровенничать со мной. До этого дня я видела Кэдерна лишь на общих собраниях и праздниках, мельком здоровалась в коридоре, да на первом курсе получала грамоту за помощь в эвакуации деревни. Тогда еще сели сходили с гор во время летних каникул, а я как раз была свободна. Вот и все наши встречи, по пальцам можно пересчитать.

– Я вам мешаю, Дейна? – как-то грустно спросил директор.

Я даже на мгновение растерялась.

– Нет, не мешаете.

– Сыграете что-нибудь еще?

Я мысленно прошла по всем композициям, разученным ранее. Еще предстояло выбрать несколько для выступления.

Когда я уже собралась играть «Мятежную», Кэдерн вдруг попросил:

– А сыграйте «Принцессу».

– Я... не знаю эту композицию. – Не признаваться же ему, что я старательно избегала этой песни с самого детства.

– Жаль. Тогда давайте «Мятежную».

Он что, знал, что я собираюсь играть? Скорее, конечно, угадал. Или просто желания совпали.

Музыка была тревожная, напряженная, но мне почему-то сделалось весело. Первый раз в жизни я допустила, чтобы на репетиции присутствовал слушатель, и первый раз в жизни

не сбивалась, восстанавливая в памяти давно забытую мелодию.

– Спасибо, Дейна, – тихо поблагодарил Кэдерн, когда затих последний звук. – Вы прекрасно играете. Думаю, вас ждет успех на балу. Теперь извините меня, я должен идти.

– До свидания, – откликнулась я, удивляясь, что испытываю сожаление от его ухода.

– Дейна... – в дверях директор остановился.

– Да?

– Какого цвета будет ваше платье на празднике?

Я моргнула. Вот уж какого вопроса не ожидала...

– Белое... наверное, – сказала я. – Я еще не купила.

И когда Кэдерн, кивнув, вышел, до меня дошло: у меня не было денег на платье. Вообще.

* * *

Проблема ограниченности денежных ресурсов с этого момента занимала меня постоянно. Проблем, собственно, было две: отсутствие вообще какого-либо платья и отсутствие денег на новое. Стипендия, выдаваемая первого числа каждого месяца, не покрывала бы расходы. Я смотрела на счастливых студентов, предвкушавших бал, на преподавателей, к концу семестра ослабивших контроль, и думала, что дела мои плохи.

А еще я постоянно думала о Кэдерне и, зная, к чему все

идет, старалась загрузить себя работой. Увы, те деньги, что зарабатывала каллиграфией, я могла даже не откладывать – нужно месяца два, чтобы накопить на приличное платье. Естественно, с каждым днем, приближавшим меня к заветному празднику, я становилась все мрачнее и мрачнее, что не могла не заметить Эри. А я старалась избегать любых упоминаний о бале, отговариваясь то суевериями, то делами, то неважным самочувствием. Впрочем, через неделю после начала репетиций Эри все же отловила меня в обеденный перерыв, буквально силой усадила рядом с собой и начала допрос.

– Дейна, ты вообще пойдешь на этот бал? – шепча так, что слышали все в округе, Эри заставляла меня чувствовать себя неловко.

– Пойду, Эри, – в сотый раз ответила я.

– Тогда почему ты не желаешь готовиться к нему вместе?

– Потому что я занята. Эри, у меня восемь баллов до отчисления. Я хожу буквально по канату, натянутому над пропастью. На это тратятся все силы. А еще я репетирую и работаю у директора. Ты же помнишь, что он заставил меня разбирать архив личных дел за последние сто лет?

Эри надулась:

– Да, но...

– Я бы рада со всеми вами гулять, болтать, веселиться, но у меня слишком много дел.

– Ты даже не купила себе платье! – Эри бросила послед-

ний аргумент.

– Купила, – слова вырвались у меня прежде, чем я их обдумала, – просто его не привезли.

– Да? – Эри с сомнением посмотрела на меня. – Ладно, Дейна. Считай, что убедила. Но я за тобой слежу, имей в виду. Не смей ударяться в панику, ты прекрасно играешь.

Я демонстративно закатила глаза. Эри, оказывается, подумала, что я нервничаю накануне выступления и собираюсь позорно сбежать. Что ж, об этом она могла не беспокоиться. Сбежать я уж точно не собиралась, а платье... без платья можно и обойтись.

После обеда я должна была идти к директору и снова заниматься личными делами.

Его помощница Майна встретила меня, как всегда, вежливо, но я заметила, что почему-то ей не нравлюсь. Она то и дело поджимала губы и бросала на меня непонятные взгляды. Вздыхнув, я взяла пачку дел и уселась прямо на полу кабинета. Майна демонстративно встала в дверях. Этот ритуал мы проходили и в прошлую субботу, а потому я даже не стала ее ни о чем спрашивать. Через пару минут она ушла.

Работа была скучной, однообразной и пыльной. Я то и дело чихала, открывая папки столетней давности, которые едва не рассыпались на глазах. Просматривала дела, находила те, что пребывали в совсем ужасном состоянии, делала копии, сортировала по годам, постепенно создавая упорядоченный и удобный каталог.

Мое внимание привлекла папка, почему-то находившаяся в стопке девяностолетней давности. Хотя выглядела не старой и очень аккуратной. С волнением я открыла ее и едва не вскрикнула.

Иллария Тогин, тысяча триста восьмидесятого года рождения, тысяча четыреста десятого года смерти. Тридцать лет. На портрете – красивая молодая рыжеволосая девушка с обязательной улыбкой и шальными зелеными глазами. Настоящая колдунья. Лучшая студентка по итогам всех пяти лет обучения, победительница множества олимпиад и конкурсов, певица, занимала первые места на конкурсах красоты, занималась благотворительностью. Список ее наград и грамот можно было листать бесконечно, папка была настолько толстой, что едва завязывалась. Я смотрела на это лицо и не могла оторвать взгляд.

Иллария...

Королева, умершая девятнадцать лет назад. Умершая при родах, так и не увидевшая своего третьего ребенка.

Мама.

Из кабинета директора я вышла на нетвердых ногах. Петляя, прошла через библиотеку, столовую, открытый мост, соединявший практический и лекционный корпуса. Остановилась только у фонтана и осмелилась достать газетную вырезку, которую стащила из папки Иллариин Тогин.

На портрете мама была изображена в красивом красном подвенечном платье, она улыбалась кому-то и протягивала

руку, очевидно, для кольца.

«В среду выпускница Риверского магического университета Иллария Тогин сочеталась браком с Его Королевским Величеством Сертаном XV. Свадьба состоялась в узком кругу родственников и приближенных, а после церемонии новая королева приветствовала свой народ. Напоминаем, что Иллария Тогин, ныне Ее Королевское Величество Иллария, происходит из древнего рода Тогинов, почти утратившего магическую силу. Этот союз, как надеются придворные маги, позволит возродить древние традиции магии и вернуть Тогинам часть могущества. Как стало известно, предсказатели пророчат королевской чете двоих детей».

Мне очень хотелось выбросить статейку, но я почему-то свернула листок и убрала во внутренний карман пиджака. Я ненавидела их всех: короля, безвременно почившую королеву, этих двоих детей, напророченных Старейшинами. Но нельзя было давать выхода ярости. Я просто сидела у фонтана, смотрела на сгушающиеся сумерки, опустив руку в холодную воду, и ни о чем не думала.

Ни о том, что придется выступать на балу без платья.

Ни о том, что скоро практика и проходить я ее буду в богами забытой глуши.

Ни о том, что с каждым днем я все чаще думаю о Кэдерне.

В комнату я вернулась совершенно измученная и сразу же завалилась спать, не вспомнив о куче работы, что ждала меня на письменном столе.

Зато на следующий день, когда по логике я должна была спать, отдыхать и развлекаться (до конца учебы-то всего пять дней), я вскочила рано утром и тихо, чтобы не вызвать смеха Эри, отправилась на пробежку.

Я бегала очень нерегулярно. Пару раз в месяц, когда напряжение становилось совсем уж невыносимым. Обычно бегала по лесу; стадионы не любила, там всегда присутствовал некий дух соперничества, вызывавший во мне отторжение.

А лес у нас был шикарный. Высокие сосенки, стройные березки, удобно протоптанные тропинки. Персонал университета каждые выходные расчищал прогулочные дорожки и посыпал солью беговые. Уж не знаю, почему лес не пользовался популярностью среди спортсменов, но я этому только радовалась.

Хорошо бежать морозным утром – а в кои-то веки оно действительно морозное – совершенно одной, дышать полной грудью и ни о чем не думать. Хорошо перепрыгивать через валуны, сворачивать на узенькие тропинки, петлять, зная, что заблудиться невозможно. Хорошо напиться у родника, размяться как следует и, скинув одежду, под покровом утренней темноты окунуться в горячий источник, скрытый от посторонних глаз за большими замшелыми камнями.

Территория Риверского магического университета считалась заповедным местом, можно сказать, священным. Здесь почти не водилось животных, но природа была уникальной.

Я расслабилась в воде, чувствуя, как потихоньку просы-

пается организм, как отдыхает после пробежки тело. Волосы я старалась не мочить, чтобы не простыть накануне бала, хотя, должна признаться, это было бы самым замечательным оправданием моему отказу...

Голоса я слышала не сразу, а лишь перестав плескаться. Они звучали еще далеко, но явно приближались. Черт! Кому в голову пришло столь рано прогуливаться? И почему именно у источников? В них обычно не купаются. По крайней мере, не зимой, да еще и в такое время.

Я спряталась за камнями, впрочем, понимая, что если разговоривающие постараются, то заметят меня без особых проблем. А уж когда они вышли из зарослей, я и вовсе упала духом: это был Смиль и двое его дружков.

– Я видел, она забежала сюда, – сказал один, самый рослый.

– Хорошо бы это было правдой, Игнет, – прищурился Смиль. – Иначе ты у меня всю жизнь будешь ходить в помощниках магов. А то и в циркачах. Будешь показывать дешевые трюки всякому отребью.

– Смиль, – подал голос третий, кажется, Луван с третьего курса, – а она драться не будет?

– После того, как понюхает это, – Смиль достал из кармана плаща небольшую бутылку с жидкостью болотного цвета, – она будет очень послушной.

Я вжалась в камни, стараясь даже не дышать. Сейчас он прикажет им обойти источник, и меня, естественно, обнару-

жат. А бесшумно вылезти и удрать я не смогу.

Нужно было разбудить Эри и сказать ей, куда иду и во сколько вернусь.

Я прикинула. Хватятся меня только часа через два, когда проснется Эри и увидит записку, что я ушла бегать. Она, конечно, удивится, похихикает, потом сходит на завтрак, и только когда поймет, что меня нет с самого утра, забеспокоится. Да и неизвестно, куда пойдет искать. То ли в мой любимый сквер, то ли сюда...

Положение было не самым лучшим. Смиль наверняка уже понял, что я где-то прячусь, а значит, живой меня они не отпустят. А что, хорошая легенда – ушла рано утром купаться, утонула. Молодцы ребята. А я... дура я набитая, как меня только боги терпят.

– Здесь она, никуда не успела бы сбежать. – Игнет сплюнул на землю. – Сормат! Выходи, мы хотим поиграть!

– Тише, – одернул его Луван, – весь универ сбежится. Не можешь молча, что ли?

– С Сормат? Молча? Я бы посмотрел, как ты будешь молчать, когда эта девица станет шелковой.

– Вот когда станет, тогда и разберемся, – буркнул в ответ Луван.

– Заткнитесь оба, – прошипел Смиль, – и ищите девку!

А чего меня искать? Я – вот она, спряталась за камушком, жду, когда ты, милый друг, подойдешь ближе.

Я не собиралась сдаваться. В чем-то мне даже нравилась

эта ситуация, не надо ждать повода, чтобы поквитаться со Смилом за контрольную. Наша вражда уже давно переросла масштабы невинной неприязни двух однокурсников.

Я знала, что на дне много камней. Правда, они все были основательно отшлифованы водой, ни одного острого краешка! Но я все же нырнула, постаравшись сделать это как можно тише. Схватив три камня – по одному на каждого, я начала выплывать, помня о том, что эти уроды где-то рядом. Как бы мне ни хотелось резко вынырнуть и вдохнуть много воздуха, я держалась до последнего и, лишь когда убедилась, что меня никто не увидит, всплыла.

Они обходили противоположный край источника, заглядывая за камни, и меня пока не видели.

Камни были небольшие, но увесистые. Я прикинула, с какого расстояния могу кинуть их. Получалось, что незамеченной остаться не удастся.

– Ага! – прямо над ухом раздался радостный вопль.

От неожиданности я вздрогнула и... да, мокрые камни выскользнули из рук.

– Смиль! Игнет! – надрывался Луван. – Я ее нашел!

Оставалась одна надежда: что и нас кто-нибудь найдет благодаря его воплям.

Впрочем, вскоре появилась и другая.

Я ловко увернулась от руки парня, который норовил схватить за волосы, и поплыла к центру источника. Шанс, конечно, мал, но не придет же им в голову плавать в такой мороз?

А я ничего, закаленная, минут двадцать выдержу. Орать буду – дайте боги!

– Сормат, – гаденько так усмехнулся Смиль, – вылезай.

Не вдохновило.

– Мы поиграем и отпустим.

– Мм-м, – протянула я. – Нет, спасибо. Нет настроения для игр.

– Да я тебе сейчас одну штучку понюхать дам, настроение и появится.

– Смиль, каким бы ни был твой парфюм, ты себе льстишь, – хмыкнула я.

Парень нахмурился. Его лицо стало красным от злости.

– Думаешь, я не смогу тебя там достать? – спросил он, расстегивая пальто. – Ты, Сормат, самая настоящая дура. Решай, пока я раздеваюсь. Либо выходишь добровольно и все получаем удовольствие, либо я достаю тебя там... и первый твой опыт будет весьма болезненным.

– Только подойди ко мне, и я тебе тоже первый опыт устрою, – мрачно пообещала я.

Пожав плечами, Смиль продолжал методично раздеваться. Его дружки топтались в нерешительности рядом.

Паника нарастала, но я старалась выглядеть спокойной. В принципе уплыть можно, но единственный путь – на сушу, а там меня моментально изловят Игнет с Луваном. Значит, надо использовать шанс, пока Смиль один.

Магия была мне не помощницей, этот вариант я отбро-

сила сразу. Смиль не уступал мне по силам, а может, и превосходил. Единственное мое оружие – хитрость, и, кажется, именно в этот момент оно вышло из строя.

Подняв фонтан брызг, Смиль нырнул и быстро, профессионально поплыл ко мне.

Наготы я не стеснялась. Это насекомое ответит за каждую минуту моего страха. Но сначала предстояло выбрать-ся. Дружки его почти не опасны, оба хронические идиоты, бегают за Смилем, как собачонки. С ними справиться будет легко.

Я нырнула, снова ощупывая дно. Ничего подходящего, кроме какой-то деревяшки, торчащей из-под больших камней.

Воздух заканчивался, и пришлось вынырнуть. Я тут же оказалась нос к носу со Смилем. Он тяжело дышал, но совершенно не устал. К счастью, бутылек он с собой не захватил.

– Ты плохо плаваешь, Сормат. Зато неплохо выглядишь. – Он подмигнул мне.

Я сделала вид, будто меня стошнило.

– Ну все, прекрати упрямиться, пойдем. Поташу ведь. Не заставляй меня причинять тебе боль.

– С каких пор ты командный игрок? – хмыкнула я. – И с каких пор тебе нужны друзья, чтобы уломать девушку переспать с тобой? Теряешь хватку, Смиль.

Зря я это. Он, увы, на такие провокации не велся.

– Поговори, Сормат. Скоро ты будешь потише.

– Это вряд ли.

Он ухватил меня за руку и буквально потащил на берег. Вырваться было бесполезно, и так потом останутся синяки. Зато этот идиот повернулся ко мне спиной, а к тому времени я уже настолько разозлилась, что никакими принципами гуманности не руководствовалась. Еще минут десять назад я бы крепко подумала, прежде чем кидать это заклятие.

Его обнаженную спину опалило огнем, он выпустил мою руку и заорал. Я ударила его локтем в нос и проплыла мимо. Смиль орал, предпринимая тщетные попытки оставаться на плаву. В Игнета и Лувана тоже полетели заклятия. Каждому из парней прилично досталось – бросаю я метко. Они, естественно, были не из пугливых и, едва оправившись от внезапной боли, бросили парочку заклятий в ответ. Но я уже выбралась на берег и спряталась за камнем, набрасывая плащ Смиля.

Тот по-прежнему орал. Я даже пожалела его – знала последствия заклинания. Чувство, будто с тебя сдирают кожу, не пройдет еще несколько часов. Если парень не утонет, то уж точно запомнит урок.

– Осторожней, ребята, – предупредила я, – вы меня разозлили.

– Сейчас я тебя! – Игнет пошел в мою сторону, не выказывая ни малейшего опасения.

Напрасно, потому что встретился с тем же заклятием, от которого пострадал Смиль. Ни жалеть этих отморожков, ни

беречь силы я не собиралась. Надо будет – сдохну на месте от перерасхода магии, но как следует им покажу, что бывает, если меня разозлить.

Наверное, Игнет мог остаться слепым, но меня это не беспокоило. Он упал, не издав ни звука, лицом в снег.

Лувана я заметила уже убегающим. Либо он решил не связываться, либо побежал за помощью, потому что его товарищам она была просто необходима.

Я снова сбросила плащ, зашла в воду и поплыла к Смилю, боясь, что возбуждение после драки пройдет и у меня просто не хватит сил дотащить здорового парня до берега. Хватило. Он был без сознания, но живой. Спина покрылась волдырями и кровоточила. Я с отвращением стащила безвольное тело в сугроб, запахнула плащ и медленно побрела к корпусам. Меня трясло.

* * *

Вновь прибывшие студенты толпились в холле Риверского магического университета. Трое парней, живущих здесь уже месяц, усмехались, глядя на то, как растерянные первокурсники пытаются найти своих старост или выяснить, где находится общежитие.

Смиль сплюнул прямо на пол и поморщился. Его воля, он снял бы квартиру или домик в Ривере, чтобы не жить в этом клоповнике, но отец считал иначе. Отец вообще во

многом не соглашался с сыном. Когда им удавалось поговорить, разумеется.

– Смиль, смотри. – Игнет легонько ударил приятеля по плечу и указал на что-то в толпе.

Теперь и Смиль ее заметил. Высокая девушка в простом ученическом платье. Ученические платья до начала занятий надевали либо отмороженные, либо беднячки. На отмороженную эта не походила, значит, была дочерью каких-нибудь уборщиков в ресторации или сельских учителей. Симпатичная девица, стоило заметить. Кудрявая, темноволосая и с хорошей фигуркой для своих вполне уже зрелых семнадцати лет. Она, закусив губу, смотрела попеременно то на листок, зажатый в руке, то на доску с объявлениями.

– Хороша, – хмыкнул Смиль, уловив момент и оценив вид сзади. – Я б не отказался.

– Так вперед, – усмехнулся Игнет. – Давай действуй. Она по любому минут через десять разделенится, только покажи мешочек с золотом.

Смилю почему-то вдруг стало противно. Он редко покупал девок, предпочитая деньгам собственную внешность и влияние. Платить за секс... было в этом что-то от неудачников. Впрочем, ей бы он заплатил.

– Увидимся за ужином, – бросил Смиль товарищу и направился к девушке, которая пока что (и он чувствовал, что это ненадолго) стояла одна.

– Привет. Потерялась?

Она подняла на него глаза и робко улыбнулась.

– Привет. Да. У меня семнадцатая комната, а я даже не знаю, где общежитие.

– Идем, провожу, – усмехнулся Смиль. – Здесь слишком много народу и слишком много тех, кто ни черта не понимает.

Она вздохнула с явным облегчением. Помогая девушке проталкиваться через толпу, он ненароком пару раз коснулся ее спины.

– Я – Дейна.

– Смиль. Ты с общей маги, верно?

Она захлопала глазами, не понимая, откуда он узнал. А разгадка была простой: на листочке, что сжимала Дейна, стоял номер группы, в котором обычно зашифровывалось название факультета.

– Я тоже. Месяц здесь болтаюсь. Скука смертная.

– Ты первокурсник? – просияла Дейна. – Ты выглядишь старше.

Он лениво пожал плечами.

– Откуда ты, Дейна? Кстати, как твоя фамилия?

– Сормат. Я из Риверы, из старого района.

Значит, точно беднячка. Дочка каких-нибудь мелких торговцев. Из тех, что на тесто для пирога копят месяцами. Что ж... соблазнить ее будет просто, даже пресловутый мешочек с золотом не понадобится. Игнет будет в восторге.

– Вон, – они дошли до входа в общежитие. – Там женская половина. Меня туда не пустят, мы недавно пришли ночью пугать девчонок, они подняли шум и теперь... в общем, комендант заколдовала двери, и они нас не пускают. Твоя комната на первом этаже.

Дейна рассмеялась, звонко и искренне. Она, похоже, была в восторге от всего вокруг. И от него тоже.

– Спасибо, Смиль. Надеюсь, мои вещи уже принесли.

– Да не за что. Обращайся, Дейна. Я в тридцать пятой. В мужское тебя пока пускают.

Он сделал вид, что собрался уйти, но вдруг спохватился.

– Слушай. – Она явно обрадовалась, что он что-то забыл. – Как ты насчет прогулки? Здесь жутко скучно, а после ужина вообще серость. Я покажу тебе источники. Пойдешь?

– Пойду, – расплылась в улыбке девушка. – А во сколько?

– Давай в девять, – чуть подумав, ответил Смиль. – Ладно, беги. В столовую проводить?

– Нет, я спрошу у соседки! Пока!

Она упорхнула, обрадованная предложением. Смиль поморщился. Дурочка наивная, кто ж соглашается идти гулять в лес с незнакомым парнем? Жизнь быстро научит, но ему, Смилю, уже будет плевать.

Он немного прогулялся, обдумывая план действий, потом покурил и едва не нарвался на директора, который проверял что-то на заднем дворе мужского общежития. Потом по-

шел на ужин, хотя есть совсем не хотелось. Предвкушение вечера занимало все мысли Смиля, не давая сосредоточиться.

– Ну, как девчонка? – Игнет жаждал подробностей.

– Ключула, – ответил Смиль и обернулся туда, где сидела Дейна.

Она робко улыбнулась в ответ. Рядом с девушкой никого не было, еще не успела познакомиться с другими однокурсниками.

Игнет довольно рассмеялся.

– Вот это да, Смиль. Твой отец будет счастлив.

Упоминание об отце неожиданно взбесило парня, и он едва сдержался, чтобы не осадить Игнета. Но все же сдержался, пообещав себе позже разобраться в причинах этого странного чувства.

– Так что, ты ее попробуешь? – не отставал Игнет.

– Нет, женьсь на ней, – раздраженно буркнул Смиль. – Естественно, я для чего, по-твоему, вокруг нее круги мамахивал? Все будет. Может, удастся записать на кристалл, вместе порадуемся.

Игнет, наученный горьким опытом, заткнулся. Они дружили еще со школы, и приятель Смиля точно знал, когда младшего Вирне не стоит трогать.

Глава третья

Эри отпаивала меня успокаивающим отваром, а Тар сидел в углу и матерился. Почему-то ругань парня успокаивала меня куда больше, чем причитания подруги. Тар то и дело порывался добавить Смилевой компании, но мы с Эри на пару его отговаривали, и в конце концов тот согласился, что было бы крайне неразумно затевать еще одну драку, тем более мне уже ничего не грозит.

– Смиль, когда очухается, никому не расскажет? Он не может представить дело так, будто это ты виновата? – спросила Эри, подавая мне кружку с отваром.

Я кое-как поднялась: сказывался перерасход магии.

– Там осталась моя одежда, – задумчиво проговорила я. – Теоретически от Смиля можно всего ожидать. Не знаю, способен ли он так извратить происшедшее...

– Не сомневайся, – подал голос Тар. – Он соврет все что угодно, лишь бы не попасть под раздачу. Пожалуй, я схожу и заберу твои вещи. Заодно «обнарожу» этих идиотов, а то вдруг подохнут там. Я, конечно, не расстроюсь, но как-то некрасиво выйдет.

– А Луван никому не расскажет?

– Вряд ли. У него не хватит мозгов хорошо соврать, а подставлять Смиля, в каком бы состоянии он ни находился, опасно. – Эри с беспокойством глянула на Тара. – Ты уверен,

что все будет нормально?

– Разумеется. В случае чего пропишу им по паре ударов в челюсть. На сдачу.

– Не лезь на рожон, Тар, – попросила я. – Им и так досталось.

– Он замечательный, – когда шаги Тара стихли, пробормотала Эри.

– Держись за него, – согласилась я.

– Спать будешь?

– Вздремнула бы.

– Дейна, тебе так повезло. Представляешь, что было бы, если б ты не смогла отбиться?

– Не хочу даже думать об этом. – Меня передернуло.

Я обманывала Эри. Конечно, еще на первом курсе я продумала все варианты ситуаций, в которых попадусь Смилю. И давно все решила. За насилие этот парень поплатился бы жизнью. Остается надеяться, ни у кого не возникнет вопросов, откуда у адепки с факультета общей магии в арсенале такие заклятия. Я сильно рисковала, рассчитывая, что позор от поражения заставит парней молчать. Если узнает директор... надо держаться от Кэдерна подальше.

Я проспала обед и не пошла бы даже на ужин, если бы не Эри. Она буквально силком вытащила меня из постели, заставила одеться и спуститься в столовую. Я хмуро оглядывала галдящих студентов, ковыряясь вилкой в салате. А они что-то оживленно обсуждали, порой забывая о еде.

– Смиля и Игнета привезли в замок, – пояснила Эри. – У Игнета ожог сетчатки. Пока неизвестно, какие будут последствия. Смиль отделался шрамами на спине и сломанным носом.

– А третий? – спросила я.

– Молчит. Ходит понурый, но молчит, – пожала плечами Эри. – Сейчас все обсуждают, с кем это Смиль подрался. Кэдерн вопит, требует того, кто это сделал.

– Ты меня осуждаешь? – к собственному удивлению, спросила я.

– Шутишь? Ты бы рядом не сидела, если бы не отбивалась. Они звери, а не люди. Не забивай себе голову, Дейна. Все правильно, так им и надо. На тебя никто не подумает.

А если подумает... Что ж, на этот случай у меня был план. И это немного успокаивало.

Повеселев, я принялась за еду и снискала одобрительный взгляд Эри.

* * *

После случая у источника компания Смиля перестала меня доставать, даже те ее члены, которые лично не присутствовали при драке. Видать, впечатления Лувана были настолько сильны, что каждый, кто поддерживал со Смилем хоть какие-то приятельские отношения, обходил меня за версту. По универу ползли слухи, но никто не мог точно ска-

зять, что из случившегося правда.

Кто-то говорил, что парни подрались меж собой из-за красотишки Гивицы с пятого курса. Кто-то утверждал, что Смиль и Игнет встретили в лесу компанию беглых темных магов. Кто-то считал, что все это – проклятие источника, который защищает целебную воду. Какой только чуши я не наслушалась. К счастью, необыкновенную почтительность ко мне со стороны Смилевых дружков никто не связал с тем, что парни провалялись в лазарете до самого конца семестра и вышли только в день бала.

Наверное, мой позор они пропустить не могли.

Правда, во вторник стало ясно, что Смиль в лазарете занимался не только оздоровлением организма.

Это был обеденный перерыв, который я проводила в комнате – дописывала открытки, оставшиеся с вечера. Есть почти не хотелось, но на всякий случай я прихватила из столовой кусок пирога.

За окном снова шел дождь, как бы намекая, что не видать нам настоящей зимы в этом году.

– Дейна!

Эри вбежала в комнату, заплаканная и растерянная. Остановилась возле моего стола, потом села на кровать и замолчала.

– Эри? Что такое?

– Тар! – попыталась что-то объяснить соседка.

– Что с ним? – В моей голове сложились уже тысячи кар-

тин несчастных случаев, могущих произойти с Таром.

– Его поймали на дурманящих зельях!

А вот этой картинки не сложилось как-то. Он не был похож на наркомана.

– Тар принимает дурман?!

– Нет, конечно.

– Распространяет?

– Дейна! – укоризненно воскликнула Эри. – Он не такой!

Как ты могла подумать?

– Прости, – я пожала плечами, – всякое бывает. Кто его поймал и как вообще это случилось?

– Директор поймал, – вздохнула Эри.

– Сам директор? Да как?!

– Не знаю, на тренировке к Тару подошли его ребята из охраны и увели. В его сумке нашли дурманящие зелья, Дейна, какие-то из запрещенных! Они его не просто исключают, они его посадят!

– Подожди, запрещенные? Ты уверена?

Запрещенными назывались дурманящие зелья, способные не просто дарить эйфорию – разрушать организм, отключать сознание, способные подчинять и подавлять инстинкты самосохранения. Я не могла поверить, что Тар мог таскать в сумке такие вещи. Даже если он и занимался распространением запрещенных зелий (в чем я сильно сомневалась), не идиот же он!

– Он не виновен! – продолжала скулить Эри.

– Я знаю. Это Смиль.

– Что? Почему Смиль?

– У него был какой-то дурман там, на озере. Тогда я не подумала, что он запрещенный, хотя могла бы догадаться. Ему наверняка сообщили, кто нашел их у источника, как и то, что моей одежды там не обнаружили. Решил отомстить.

– И что делать? Дать им просто так исключить Тара?

– Нет. Идем!

– Куда? – Эри с готовностью вскочила.

– К директору. Будем объясняться.

Я почему-то твердо была уверена, что директор нас выслушает и – что главное – поверит нам. Почему-то я не задумывалась о том, что в глазах взрослого мага мы с Эри – две маленькие девчонки, пытающиеся защитить друга, который пользовался нашим доверием. Все это в полной мере я поняла, когда Кэдерн, выслушав мою сбивчивую речь, произнес:

– Я умею читать, Сормат. Я читал дело Тара, и я знаю, какой он хороший студент. В ваших словах я не увидел ни одного доказательства. Вдобавок ко всему вы еще и приплели сюда студента, который лежит в больнице, пострадавшего в ходе жестокого нападения. Сормат, вон из кабинета, иначе я подумаю, что вы причастны к этому делу!

Ох как мне в такие моменты хотелось перестать прятаться и позволить глазам сверкнуть серебряным огнем!

– Господин директор, – я лишь улыбнулась, – вы совершаете большую ошибку. Подозреваю, вы знаете, что Тар неви-

новен, но не можете доказать. Мне достоверно известно, что Смиль – который, как вы выразились, пострадавший – в момент нападения на одинокую однокурсницу имел с собой весьма подозрительное вещество, обнаруженное потом у Тара в сумке. Вам ведь ничего не известно об инциденте, упомянутом мной? Так я и думала. Поэтому не делайте преждевременных выводов.

– О чем вы говорите, Сормат? – Медные глаза Кэдерна потемнели. – Что делал Смиль у источника? Напал на вас?!

– Я этого не сказала. Я лишь упомянула, что там была девушка, не более. Вас должен интересовать флакон с наркотиком.

– Сормат, не испытывайте мое терпение. Если вам хоть что-нибудь известно о том, кто утром в воскресенье искалечил двоих студентов, я приказываю вам все рассказать. Вы еще не доросли до того, чтобы играть со мной на равных. Есть что сказать – говорите, нет – оставьте свою речь для защиты диплома. Мы не дипломаты, чтобы обходить острые углы.

– Господин директор. – Я подошла к нему почти вплотную и закатала рукав ученической рубашки. – Это – неопровержимое доказательство того, что Смиль – ублюдок и что обожженная спина – его счастье и награда. Я могу пойти с этим к страже, они наверняка найдут способ проверить мои слова. Не стоит говорить, что тогда Смиль сядет, а его отец, кем бы он ни был, устроит всем нам веселенькую жизнь. Универ-

ситет прогремит на всю страну. Я не хочу скандала, но не позволю Смилю подставлять моих друзей. Срок для расследования неделя, верно? Дайте мне это время, и я заставлю Смиля признаться.

Кэдерн шокированно смотрел на синие следы пальцев на моей руке, оставленные Смилем.

– Я не могу позволить вам проводить какие бы то ни было расследования, – наконец сказал он.

– Их и не будет. Смиль признается, когда поймет, что ему грозит. Я напишу уведомительное письмо, что передаю дело в суд.

– Сормат, если то, о чем вы говорите, имело место быть, я просто обязан исключить Смиля.

– Исключите. Потому что он принес в университет запрещенные зелья, а не за то, что пытался изнасиловать меня.

– За это...

– Об этом будут говорить очень долго. Господин директор, у меня пожилые родители. Я – незамужняя молодая ведьма. С восемью баллами резерва, кстати. Вам что, меня не жалко?

Кэдерн смотрел на меня как-то растерянно и удивленно. То ли не ожидал таких новостей о делишках Смиля, то ли поразился моему весьма непочтительному тону.

– Пишите, – наконец вздохнул директор. – Пишите свое письмо. Если Смиль признается, я его исключу и не стану поднимать шум. Тара отпущу. Если нет...

– Признается, – кивнула я. – Спасибо.

– Дейна, – окликнул меня Кэдерн, когда я уже подошла к двери, – вы должны были попросить о помощи.

– Я и сама, как видите, справилась.

– Игнет останется слепым...

– А сколько остались инвалидами из-за их зелий?..

Я не собиралась писать письмо Смилю. И дураку ясно, что он на него не отреагирует. Поэтому предстояло решить вопрос по-другому. Мне показалось, что об этом же думал Кэдерн, когда соглашался, но предпочел не раздувать скандала, давая мне возможность все решить самостоятельно.

Единственный намек, который я не поняла, – его слова об Игнете. Мне было жаль, что парень останется слепым, но... трое на одну девушку с наркотиком и весьма жуткими намерениями? Это, как мне казалось, давало карт-бланш на любой вид самозащиты.

Эри нервничала. Оно и понятно: Тар под домашним арестом, к нему никого не пускают. Сидит, бедный, в четырех стенах комнаты общежития, обвиненный в том, чего не делал.

Заодно можно было Кэдерна похвалить – к Смилю также никого не пускали.

– И как ты докажешь, что все подстроил Смиль? – то и дело спрашивала Эри, почти переставшая есть.

– Не знаю пока, – неизменно отвечала я. – Но придумаю. Время – шесть дней, Смиля выписывают в день бала. Если

на балу я не смогу его запугать, попробую действовать через отца. Он у него адекватнее, я думаю, испугается за сынулю.

– А если тоже решит, что ты блефуешь?

– Значит, – медленно проговорила я, – вся страна узнает, как развлекается Смиль.

– Ох, Дейна! – Эри начинала шмыгать носом, и еще минут десять я тратила на то, чтобы ее успокоить.

Неделя текла медленно, но уверенно. Всюду чувствовалось напряжение: спешно составлялись пары, чтобы, не приведите боги, не остаться на танцполе в одиночестве; девчонки, хвастаясь, наперебой описывали наряды и прически; парни хмурились и делали вид, что происходящее их совсем не интересует. Я репетировала и переживала за Тара, поэтому в общем переполохе не участвовала и почти забыла об отсутствии наряда.

В четверг я приводила в порядок кожаные брючки и старую, сшитую еще три года назад, белую блузу. Впрочем, несмотря на то что наряд был старый, он сидел хорошо. С вечерним платьем не сравнится, но за роялем я, одетая в классический костюм, покрашенная и с растрепавшимися волосами, выглядела эффектно. Тем более что подготовилась неплохо и играла лучше, чем когда-либо. Коль, которого я, стиснув зубы, пустила на репетицию, остался доволен.

Эри готовилась к празднику без особого энтузиазма. Тар, естественно, бал пропускал. И нам по-прежнему не разрешали с ним видеться.

В пятницу занятий не было; лишь оглашение результатов семестра, награждение отличников, организационные моменты практики и выдача персональных заданий. Ничего нового, одна и та же картина из года в год. Потом, сжалившись над нетерпеливыми студентами, нас отпустили готовиться к вечеру. Те, кто на бал не попал, в этот же день разъехались по местам практики.

– Дейна, через час начало! – всплеснула руками Эри. – Почему ты не одета?

– Нужно проверить инструмент и отрепетировать все еще раз. Рано, Эри. Я все равно попаду на бал не раньше, чем выступлю, а это только через полчаса после начала.

– Как знаешь, – поджала губы подруга. – Скажи честно: у тебя ведь нет наряда?

В своем малиновом узком платье Эри выглядела сногшибательно. Ярко и совсем не по-новогоднему.

– Нет, – вздохнула я. – Но это ничего не меняет.

– Дейна, – Эри села на кровати, – почему ты не сказала? Мы бы придумали что-нибудь.

– Что тут придумаешь? Я даже не сказала, что приглашена на бал, иначе родители бы ночами не спали, чтоб оплатить хоть какой-нибудь наряд. А моих денег за открытки не хватит.

– Перешли бы мое!

Я скептически посмотрела на низкорослую тощую Эри.

– Не забивай голову ерундой. Мне все равно играть, в брю-

ках сподручнее. Смиль еще не появлялся?

– Сразу на бал придет, говорят.

– Там мы его и обработаем, – решила я. – Все, иди занимай место у стола с едой.

Эри слегка улыбнулась.

– Балда ты, Дейна, – сказала она напоследок. – Хорошая, но балда.

– Вот уж спасибо! – Я рассмеялась.

– Удачи на выступлении!

Когда дверь за ней закрылась, я повернулась к зеркалу, чтобы еще раз окинуть себя взглядом. Дейна Сормат. С уложенными выпрямленными волосами, с ярко покрашенными глазами и бледными губами, с бледной кожей. Глазки полыхнули серебром, и я поежилась. С каждым годом все труднее и труднее контролировать индивидуальную магию. Эри не спрашивает, но я вижу: беспокоится, что у меня до сих пор не проявились родовые способности. Сама она уже всюю исцеляет мелкие травмы и порезы.

Несчастный Тар! Если нам не удастся ему помочь, бедняга сядет. Чертов Смиль, все никак не может забыть наше знакомство.

Коль, едва я вошла в гримерку, набросился на меня с вопросами:

– Где ты была, Дейна? Что так долго?

– Расслабься, – отмахнулась я. – До выхода еще пятнадцать минут.

– Где твоё платье?

Взволнованный Коль явно гордился новеньким темно-коричневым костюмом, который на нем сидел немного несурово.

– Вот моё платье. Не приставай, а то играть не буду.

Коль притих.

– Ты всё помнишь? Все аккорды? Ритм?

– Помню, Коль. – Я украдкой закатила глаза.

– Тогда жди за кулисами. Как только я объявлю твоё имя, выходи и играй.

Я послушно села на небольшой стульчик за кулисами. С моей стороны было неудобно наблюдать за танцевальным коллективом, но я всё же отметила, что девчонки превзошли сами себя: двигались слаженно, четко, грациозно. Сверкали магические огоньки, летали разноцветные ленты, гремела музыка, и десяток отменно красивых девушек улыбались, счастливые оттого, что всё внимание восхищенной публики достается им. Они замерли в последнем движении, отдав ему все силы. Я видела, как, пошатываясь, они бредут за кулисы, и ободряюще улыбалась.

– Дейна Сормат! – объявил Коль, и на сцене появился будто бы выросший из серебристого тумана рояль.

В полной тишине я прошла через сцену к своему месту. Послышались редкие смешки. В первом ряду я увидела Смиля. Он не смеялся, но явно был доволен: видел реакцию зала на мой костюм. Но мне было не до него. Пока не до него.

Я легко провела рукой по клавишам, извлекая первые звуки. Зал притих.

Пальцы сами искали клавиши, перескакивали, порхали над инструментом, и я закрыла глаза, наслаждаясь музыкой. Вокруг клубился серебряный туман, и, хотя этого никто не видел, мои глаза тоже сверкали серебром. Кто-то потянулся танцевать, кто-то стоял у самой сцены, глядя на меня. Я играла без магии, это видел всякий, и всякий, наверное, поражался этой способности. Магия – основа нашей жизни, та сущность, которая есть в каждом. И далеко не всем дана способность обходиться без нее. Но я положила все силы, чтобы научиться.

По залу, среди искусственного снега и тумана, кружились счастливые пары. Эри и Тара среди них не было, и мной вдруг овладела злость. Некоторые считают, будто они хозяйка жизнью, будто они могут играть с людьми, лишая их самого дорогого. Такие, как Смиль, мнят себя господами.

– Я – ваша госпожа, – едва слышно пробормотала я. – И проще всего воспользоваться правом крови, чтобы каждый получил по заслугам. Но к последствиям я точно не готова.

Бурные аплодисменты заставили меня сдержанно улыбнуться и заиграть непринужденную, медленную мелодию, под которую парни тут же повели спутниц на танцпол.

Я встретила взглядом с Кэдерном, стоящим неподалеку и внимательно наблюдающим за залом. Он, как говорили в университете, почти никогда не появлялся на публике с де-

вушками. Даже на балах. Директор чуть улыбнулся мне, и я почувствовала, что краснею. Сама подивилась своим изменчивым чувствам: то вдруг злюсь на Смиля, то смущаюсь, как девочка-подросток, которой впервые сделали комплимент.

– «Зимняя», – объявила я, едва воцарилась тишина.

Вновь раздались аплодисменты.

Клубы тумана, перерождаясь в языки пламени, вспыхнули, окружив рояль. Я играла, делая вид, что все это мне привычно и знакомо, а вокруг полыхало серебряное кольцо. Музыка, казалось, стала неотъемлемой частью этого зала и каждого из присутствующих. Никто уже не танцевал, все смотрели на хрупкую девушку, сидящую посреди бушующего серебряного костра, играющую так, как никогда раньше. Со всем не использующую магию.

А она вкладывала в одну-единственную песню все, что не решалась рассказать никому из ныне живущих. Она рассказывала историю маленькой девочки, которая зимним утром ушла, не оглядываясь на родной дом, ушла в мороз и ветер, чтобы навсегда исчезнуть среди множества детей королевства и проснуться в студентке четвертого курса. Очнуться после одиннадцати лет глубокого и спокойного сна. Она рассказывала о Дейнатаре, но никто в зале не связал имя давным-давно пропавшей принцессы с Дейной Сормат, дочкой бедняков из небольшого городка.

– Спасибо, – улыбнулась я, тяжело дыша.

Они хлопали стоя, выкрикивая что-то. Но я не слыша-

ла ни слова; на дрожащих ногах ушла в гримерку и упала в кресло, мечтая лишь о стакане воды. Ко мне подскочил Коль, возбужденно размахивающий руками.

– Дейна! Ты молодец! Это было потрясающе! У тебя талант!

– Спасибо, Коль. У вас вода есть?

– Держи! – Он приманил со стола стакан с обалденно холодной водой, и я залпом его осушила.

– Иди в зал, сейчас будет выступать «Небесный Шут».

Я присвистнула. Самая известная рок-группа, по крайней мере, на юге. Пожалуй, на это стоило взглянуть.

Убедившись, что твердо стою на ногах, я вышла в зал, ища глазами Эри. Подруги нигде не было видно, а идти ее искать к буфету не хотелось: там, как и всегда, собралась целая толпа. Группы на сцене еще не было, играла какая-то медленная музыка.

– Вы часто обманываете, Дейна? – раздался голос у меня за спиной.

Кэдерн Элвид улыбался, держа в руках несколько красных роз.

– Вы о чем?

– Вы обещали мне белое платье. – Он окинул взглядом мой наряд. – Почему вы так одеты, Дейна?

Я вздохнула, отводя глаза. Ему почему-то признаваться не хотелось.

– У вас нет денег? – Кэдерн догадался сам, но, вопреки

моим ожиданиям, вопрос прозвучал мягко.

– У кого сейчас есть деньги?

– Это вам. – Директор протянул мне три розы. – Они вроде как вечные.

Я снова залилась краской.

– Спасибо.

– Можно вас пригласить?

– Что? – Я удивленно моргнула.

– Танцевать, Дейна. Вы ведь танцуете? Или только играете?

– Я... танцую, наверное, – пробормотала, вконец смущенная.

Кэдерн забрал у меня цветы и весьма небрежно положил их на столик. Мы вышли на танцпол. Студенты, которые замечали директора, почтительно расступались и кидали на меня удивленные взгляды.

– Расслабьтесь, Дейна, – улыбнулся Кэдерн. – Я не волк и не собираюсь вас есть.

Я вымученно улыбнулась, но напряжение между нами ослабло.

Я чувствовала, как дрожат мои пальцы, лежащие на его плечах, и как крепко его руки сжимают мою талию. Мы танцевали близко – непростительно близко для директора и студентки. И мне это нравилось. Нравилось настолько, что я совершенно растерялась.

– Вы написали письмо Смилю? – вдруг спросил Кэдерн.

– Да, – без зазрения совести соврала я. – Передам ему после бала.

– Хорошо. Все же я, хоть и не хочу портить вашу репутацию, сторонник разбирательства.

Видя, что эта тема мне явно неприятна, Кэдерн замолчал, прижав меня к себе еще крепче. Мне хотелось напомнить директору о правилах приличия и в то же время... не хотелось. Было что-то в этом танце – что-то, что я упустила.

– Вы чудесно сыграли. У вас талант.

– Спасибо. По правде говоря, я так никогда не играла. Это все Коль с его спецэффектами.

– Красиво, – шепнул Кэдерн, наклонившись к моему уху и обогрев дыханием шею. – Вы знаете, что серебряный – цвет королевской семьи?

Я задержала дыхание, пытаюсь понять, намекает он на что-то или нет. В конце концов решила, что просто пришлось к слову.

– Знаю. Хороший получился бал.

– Жаль, что ваша подруга здесь без пары. Я хотел бы отпустить Тара, но не могу. Я слишком завишу от мнения большинства... во всяком случае, в вопросах, касающихся управления университетом.

– Вы верите, что Тар невиновен?

– Конечно. Дейна, я знаю своих студентов. Каждого.

– И меня? – Я почувствовала желание немного попокетничать.

– И вас, Дейна. Вас особенно.

Последнюю фразу он сказал очень тихо, но у меня перехватило дыхание.

– Господин директор...

Мы одновременно посмотрели друг другу в глаза и замерли. Я боролась с искушением закусить губу в предчувствии его действий, он, очевидно, боролся с желанием этих самых действий. Неизвестно, кто выиграл, но, когда он склонился ко мне, я вдруг увидела Смиля и Лувана, направляющихся к выходу. В руках Смиль держал какой-то сверток.

– Мы играем рок! – Кто-то оглушительно ударил по барабанам.

– Простите меня, – вырвалась из объятий Кэдерна, – я не могу остаться!

– Дейна, – он выглядел виноватым, – извините, я не хотел...

– Нет! Дело не в этом. Просто мне очень нужно бежать, я потом все объясню.

Забыв на столе розы и оставив растерянного директора стоять посреди танцпола, я выскочила из зала. Но ни Смиля, ни его дружка поблизости уже не было.

* * *

Никогда не считала себя жестоким человеком. То, что я делала, жестокостью вряд ли можно назвать, как и Игнета

сложно назвать невинной жертвой. Неизвестно, сколько на его счету девушек, не вовремя попавшихся в руки. Чувство сожаления, что я испытывала, скорее можно связать с самим фактом причинения боли живому существу. Я не любила насилие, но и не гнушалась пользоваться им при случае. Таких ситуаций бывало немного, но они все же происходили.

Но вот на чувствах калеки я еще не играла.

Игнет спал. Повязка на его глазах занимала половину лица, фиксируя лекарственные примочки. Как мне говорили, пока еще он находится под действием обезболивающего заклипания. Поделом.

– Игнет...

Он тут же проснулся, прислушиваясь и поворачивая голову во все стороны.

– Привет. Это Дейна. Узнал?

– Чего тебе, дрянь? – буркнул Игнет.

Впрочем, в его голосе явно слышался страх.

– Давай вежливее, а? – хмыкнула я.

– Да пошла ты!

– Фу, – я поморщилась, – грубость какая. Игнет, это ведь Смиль подставил Тара, да? Они куда-то пошли сейчас. Если скажешь куда, я сниму заклинание.

– Что? – С лица Игнета мигом слетела злость.

Он был похож на растерявшегося первокурсника, а не на одного из самых опасных парней в универе.

– Последствия заклипания действуют долго, Игнет. И их

может снять тот, кто наложил. Если обладает достаточной силой. Я – обладаю. Поскольку вы не признались, что пытались меня изнасиловать, тебе предрекают слепоту. Представляешь, каких проблем можно избежать, если я сниму заклинание? К слову, Кэдерн знает, чем вы занимались на озере. Нужно ли говорить, что он не просил меня даже попытаться тебе помочь? Ты понимаешь, Игнет?

Он молчал. Все-таки трудно разговаривать с человеком, глаза которого не видишь.

– Хочешь остаться калекой? Мешать не буду.

Я встала, незаметно скрестила в кармане пальцы на удачу.

– Смиль давно торгует дурманом, – глухо откликнулся Игнет. – У него тайник у источника. Встречается с заказчиками обычно ночью.

– И кто заказчики?

– Ребята из богатых семей. В основном берут для девочек, ну... ты понимаешь. Есть те, кто серьезно употребляет, а есть те, которые для родителей. Смиль имеет на этом неплохой заработок.

– Он подбросил Тару наркотик?

– Конечно. Смиль знал, что Тар забрал твои вещи и позвал на помощь.

– Понятно.

Я сняла заклинание, втайне надеясь, что Игнет никому не расскажет о том, что это была я. Снятие таких заклинаний – непростое дело, могущее привлечь к моей персоне лишнее

внимание.

Игнет явно почувствовал, что боль ушла. Его рука взметнулась к глазам, но тут же опустилась. Парень понял, что ему грозит за выдачу таких сведений.

– Неужели Смиль до сих пор меня ненавидит? – Я не смогла удержаться от этого вопроса. – Прошло столько лет.

– Он не ненавидит. Он в тебя влюблен, неужели не ясно?

– Странная у него любовь...

Игнет получил строгое предупреждение молчать о том, что последствия заклятия сняла я. Надо думать, угроза вернуть все как было, его изрядно напугала. Я бы ее, конечно, никогда не исполнила, просто не хватило бы духу. Но Игнет-то об этом не знал.

Я шла на голоса, стараясь ступать бесшумно и не привлекать внимания. Ночного леса я не боялась лишь благодаря самоконтролю. Я убеждала себя, что ничего и никого страшнее Смиля в этом лесу нет. Одновременно приходилось держать наготове заклинание запоминания иллюзии. Мне повезло, что я владела основными канцелярскими навыками вроде копирования документов, чтения скрытых текстов...

За несколько десятков метров до источника я пошла медленнее. Голосов слышно уже не было, но я четко различала в тусклом свете светляков мужскую фигуру. Почему-то одну. Смиль или Луван?

Остановилась неподалеку, за большим камнем, который отлично скрывал меня и в то же время давал хороший обзор.

Прошептала заклинание и стала наблюдать. Смиль стоял перед тайником, вырезанным в скале, и тихо ругался. Он переставлял какие-то баночки и коробочки и, очевидно, что-то искал.

Я поежилась: зря ничего не накинула, ночи уже холодные. – Тварь! – заорал Смиль, и я подпрыгнула.

Он что-то пнул ногой. Я присмотрелась и похолодела.

У ног Смиля лежало тело.

Он нагнулся и, кряхтя, поднял тело, а затем бросил его в воду.

События приобретали все более опасный оборот. Я уже не хотела выходить к Смилю и требовать, чтоб он признался, что подбросил Тару наркотик. Тару еще повезло, он хотя бы не на дне озера, в отличие от Лувана (а в том, что это Луван, я не сомневалась). Парни явно что-то не поделили, и Смиль... убил Лувана? Я была уверена, что этот парень способен на многое, меня даже не удивила его выходка на озере. Но убийство?

Он едва меня не заметил, проходя мимо. Пребывая в шоке, я вылезла из-за камня. Мелькнула мысль нырнуть и попытаться помочь Лувану, но потом я поняла, что Смиль не стал бы бросать в воду еще живого человека. Он слишком осторожен для этого.

Я достала из кармана бумажный пакет, который прихватила с собой, сложенный вдвое листок и написала несколько строк, стараясь писать как можно более небрежно. Потом

сложила в пакет кристалл с иллюзией, записку и запечатала. Теперь осталось лишь передать пакет директору, а там уж пусть сам разбирается со своими студентами. И Тара отпустят – Смиль наверняка признается во всем, едва его поймут.

Несмотря на то что я почти одержала победу, на душе было тяжело. Заслужил ли Луван такую смерть? Судить не возьмусь, но удовлетворения я не чувствовала. Эти ребята затеяли опасную игру: дурман, изнасилование, убийство. Игнет, верно, и сам уже был не рад, что связался со Смилем. Теперь он хотя бы не ослепнет. Но что Смиль и его за собой потянет, несомненно. Понятно и то, что Смиль догадается о моей роли в его разоблачении. Оставалось лишь надеяться, что к тому времени, как он это поймет, уже не сможет ничего мне сделать. Иначе придется, наверное, уезжать, менять имя, фамилию, внешность. Опять...

Я пошла длинной дорогой, чтобы ненароком не встретиться со Смилем. Напугала какую-то парочку, обжимающуюся в кустах, оцарапала лоб об ветку, но все же благополучно выбралась к корпусам.

У входа меня встретил разъяренный Кэдерн.

– И что же все это значит?

Можно было попытаться сделать невинный вид и соврать, что я всего лишь проветривалась после волнительного выступления, но у меня наверняка на лице было написано все, что я видела в лесу, и директор не поверил бы в позднюю

лесную прогулку.

Поэтому я сделала то, что делала обычно, когда меня заставляли на месте преступления: опустила голову и вздохнула.

– Вы ведь не собирались писать Смилю письмо, так?

– Мы оба знаем, что он плевать хотел на мои претензии.

– Дейна, вы закапываете себя все глубже и глубже... И рискуете.

– Поверьте, мне не привыкать. Вот.

Я протянула ему кристалл с иллюзией. Но Кэдерн не спешил его брать.

– Что это?

– Доказательства того, что Смиль – не белый и пушистый.

– Они добыты законным путем?

– Скажем так... одна адептка неторопливо прогуливалась по лесу, когда случайно наткнулась на пугающую сцену с участием адепта Вирне. По счастливой случайности она, благодаря отработке в архиве, неплохо овладела заклинанием записи и сохранила исторический момент для потомков... и для главы отделения стражи.

– Все так плохо? – помрачнел Кэдерн.

– Хуже, чем вы думаете.

Мы замолчали, думая каждый о своем. Директор наверняка представлял, какая буря разразится над университетом, а я поймала себя на мысли, что люблю его медными волосами и аристократическим профилем. А ведь Кэдерн был из

знатной семьи. Если бы я осталась во дворце, как мы бы познакомились?

Словно в ответ на мои мысли – клянусь, я даже вздрогнула! – директор задумчиво произнес:

– Знаете, Дейна, когда-то давно я думал, что стану супругом принцессы. Между моей семьей и королевской было соглашение. Потом принцесса погибла. И я воспринял это как знак богов, напоминание о том, что должен добиться положения в обществе не за счет семьи и брака. Должен сделать что-то значимое, воспитать поколение магов. Одиннадцать лет я придерживаюсь этой позиции.

– Зачем вы мне это рассказываете? – хриплым голосом спросила я.

– Затем, что за одиннадцать лет вы – первая девушка, которая вызвала у меня интерес, Дейна. Что в вас такого и почему я не замечал этого раньше?

Он грустно улыбнулся собственным мыслям, окинул меня взглядом и снял теплое пальто, а затем накинул мне на плечи. Меня тут же окутал приятный запах его парфюма. И по телу разлилось тепло.

– Передайте той адептке, чтобы больше не гуляла в лесу. Это небезопасно. Спокойной ночи, Дейна.

Я смотрела ему вслед, а с неба летели редкие снежинки. Они падали на темную ткань пальто и медленно таяли, превращаясь в крошечные блестящие капельки. Мне было тепло. Но кожа покрылась мурашками, а сердце билось в бешен-

НОМ темпе.

Кэдерн Элвид был помолвлен с Дейнатарой.

Он должен был стать мужем принцессы.

А стал ее учителем и даже не подозревает об этом.

* * *

– Страшно, – призналась Дейна. – Но надо. Без образования никуда, тем более сейчас. Маме с папой хочется по-мочь, да и магия явно рвется наружу. А специальность неплохая, вроде даже с работой нет особой напряженки.

Он едва не расхохотался. Глупая девчонка. Сам-то Смиль на общую магию пошел, чтобы особенно не грузиться. А отцу его так и вовсе было плевать, где сын учится, лишь бы глаза не мозолил.

– Ты молодец. Серьезно, молодец, не каждая может вот так вот взять и поступить, – сказал он. – Да еще и полностью себя обеспечивать.

– Спасибо. – Дейна зарделась. – Я неплохо знаю каллиграфию, подписываю открытки.

– Вот это да, – присвистнул он. – Подпишешь мне открытку как-нибудь?

– Посмотрим на ваше поведение, – фыркнула Дейна. – А ты что? Кто твои родители?

– Да так, ерунда. Папа работает в Алурте, а мама с нами не живет.

– Извини. – Она явно смутилась и расстроилась. – Я не хотела...

– Да все хорошо. – Смиль рассмеялся и, к собственному удивлению, почувствовал, что рад этому смущению Дейны. – Они расстались по обоюдному согласию. Вернее, мама сначала сбежала, папа ее нашел и отпустил. Правда, официально не развелся: плохо для репутации. Но заставил отказать от меня. Сказал, что мне такая мать не нужна.

– Это он зря. – Она задумалась, глядя на кроны деревьев, освещенные закатным солнцем. – Мама всем нужна. И папа тоже.

– Да брось. Дело давнее, – отмахнулся Смиль, впрочем, довольный тем, что сумел вызвать ее жалость. – Красиво тут, верно?

– Красиво, – согласилась Дейна. – Очень. Спасибо, что вытащил меня. Я совсем никого не знаю, а соседка еще даже не приехала.

– Давай выбираться сюда чаще? – предложил Смиль и сам поразился: не собирался ведь говорить.

– Давай. Можно по выходным. Вечерами, когда закат. Очень красиво и тихо.

Она вдруг споткнулась о корягу, и у него появился повод взять ее за руку. Приятное ощущение, стоит заметить.

– Осторожно. Здесь почти нет тропинок.

– Извини. – Она снова покраснела, но руку не отдернула. – Неудобные туфли.

– Издержки учебы. – Смиль пожал плечами. – Неудобная форма.

И тактично сменил тему, чтобы не спрашивать, почему она, несмотря на то что занятия еще не начались, ходит в форме.

Они проговорили почти час, гуляя по узким тропинкам, подбираясь к источникам и то и дело останавливаясь, чтобы то показать девушке какой-нибудь примечательный камень, то поправить ей прическу, якобы постоянно сбивающуюся.

Когда Дейна все чаще и чаще стала смотреть ему в глаза, а еще несколько раз Смиль замечал ее пристальный взгляд на собственных губах, он понял, что пора. В голове будто звякнул неведомый колокольчик, приказывающий действовать. Легким мановением руки он активировал пишущий кристалл и остановился.

– Что такое? – удивилась Дейна.

– Надо возвращаться, мы далеко зашли. Коменданту не понравится, если мы вернемся поздно.

– Жаль, – поникла девушка. – Хороший вечер.

– Хороший, – согласился Смиль, – скоро осень, слякоть начнется.

– Ладно, идем. – Она развернулась в сторону университета.

– погоди, – улыбнулся Смиль.

И притянул девушку к себе. Та как будто ждала этого: не

стала изображать удивление или испуг. Закусила губу, явно ожидая поцелуя, и парень не стал ее разочаровывать. Склонился к ее губам, обогрев дыханием, легко поцеловал, давая время привыкнуть. И когда ее руки скользнули вверх, обняв его за шею, углубил поцелуй, проникнув языком и прижимая девушку к себе сильнее.

Она явно или очень редко целовалась, или это был ее первый поцелуй. Восхитительная неловкость Дейны едва не лишила Смиля контроля. Он полностью контролировал ситуацию, то отстраняясь, то прижимаясь к ней всем телом, осторожно пробуждая желание.

– Эй, подожди, – прошептала Дейна, задыхаясь, когда его руки начали приподнимать подол платья, обнажая длинные ноги. – Стой. Смиль, подожди...

Он успокаивал ее поцелуями, отвлекал внимание от того, что делал внизу.

– Не бойся, – пробормотал он. – Расслабься.

Она уже дрожала не от страсти и не от желания, а вполне сносно начала соображать и понимала, зачем он привел ее сюда.

– Нет, Смиль! – Дейна пыталась сказать это решительно, но голос дрожал.

– Хватит кривляться, – пробормотал он, сбрасывая куртку. – А то ты не знала, зачем мы сюда пришли.

– О да, во мне еще остались крохи веры в порядочность. – Она пыталась вырваться, но даже когда он держал ее од-

ной рукой, был намного сильнее. – Пусты меня, ублюдок!

– Хватит ломаться! – рассердился Смиль и, к собственному удивлению, отвесил девушке пощечину.

Этот удар потряс обоих. Он никогда не позволял себе бить женщин. С мужчинами, бывало, дрался до потери сознания или сломанных конечностей. Но девушек не бил никогда.

Дейна замерла, прижав ладонь к щеке.

– Слушай, – он словно протрезвел, – забудь.

Он действительно хотел ее изнасиловать?

– Дейна, прости, я не собирался...

Он поднял с земли куртку, избегая смотреть на девушку, которая тихо плакала, сжавшись в комочек. И тут из кармана выпал записывающий кристалл...

Дейна мгновенно перестала скулить. Она с расширившимися от удивления глазами смотрела на небольшой круглый и прозрачный камешек, покотившийся по земле.

– Что это?

– Это... – он взъерошил волосы, пытаясь придумать ответ.

– Это кристалл, – медленно проговорила девушка, – записывающий.

Откуда она вообще знает об этих кристаллах?! Деревенская дурочка.

– Дейна, прости. – Он лихорадочно искал слова, чтобы хоть как-то объяснить то, что произошло здесь. – Я не со-

бирался... так. Я думал, ты все поняла. Ну сама подумай, зачем еще парень будет звать такую девушку, как ты, гулять вечером, да еще и в лес! Неужели это у тебя в первый раз?!

Она медленно поднялась, вытирая лицо и одергивая платье.

– Скотина.

– Боги, ты ведешь себя как принцесса. А на деле обычная деревенская шлю...

Она рванула в сторону так резко, что Смиль даже не успел среагировать. Но потом все же бросился следом: а ну как идиотке придет в голову рассказать кому-нибудь? Разборок он не боялся, но все-таки предпочел бы обойтись без них.

– Дейна, стой! – заорал он, когда потерял кудрявую голову из виду. – Ты заблудишься!

Но лес ответил ему угрюмым молчанием. В порыве злости Смиль как следует пнул ствол сосны и несколько птиц взметнулись в небо, на котором уже догорали остатки заката.

Она никому ничего не рассказала. Не пожаловалась коменданту, не пошла к директору. Говорят, проплакала всю ночь в комнате, тем и обошлось. По крайней мере, на завтраке ее не было, но он мельком услышал разговор двух первокурсниц, что какая-то девушка ревела в комнате для занятий, за рисованием.

Повезло Смилю. Вот только желание обладать этой дрянью не пропало. Особенно когда он увидел ее после ужина на следующий день, накануне начала занятий. Она стояла на возвышении чуть поодаль той самой доски, у которой они встретились.

А у самой доски почему-то собралась толпа народу и слышался всеобщий смех.

– Что там такое? – равнодушно спросил Смиль у Игнета, который с трудом выбрался из толпы.

– Э-э, Смиль, тебе лучше не надо...

Смиль подозрительно глянул на товарища, который был очень бледен, и понял, что обязательно должен взглянуть, что же там такое...

Весь стенд занимал огромный рисунок.

Большая почтовая открытка. В углу, вместо марки, его портрет, кажется, из личного дела.

«Разыскивается особо опасный идиот! Приметы: отсутствие мозгов, длинные руки, лживый язык, гигантское самомнение. Ушел от совести давным-давно и не вернулся. Адекватность и ум волнуются. Нашедшему просьба избавить мир от ошибки богов».

И все это каллиграфическим, идеально выверенным почерком. Сомнений в том, кому Смиль обязан подобным произведением искусства, не осталось.

– Подписала, – раздался холодный и звонкий голос.

В глазах Дейны Сормат, казалось, полыхал огонь. Или

трескался лед – за это Смиль поручиться бы не смог. Он сроду не думал, что деревенская девчонка может ТАК смотреть. Как на букашку, на жалкое препятствие на ее пути. С отвращением и ненавистью.

– Открытку подписала, – пояснила эта дрянь. – Просил же. Наслаждайся.

Он почти физически почувствовал хохот толпы за спиной. обернулся, смерил всех многообещающим взглядом и процедил сквозь зубы:

– Не думай, что это сойдет тебе с рук, Сормат.

Она лишь отмахнулась.

– Много чести с тобой разговаривать. Оставайся валяться в грязи, Смиль.

Он так и остался стоять посреди холла, не понимая, является ли нормальным его желание взять эту девчонку за волосы и несколько раз ударить о стену. Впрочем, с этим он разберется. Сначала стоит разобраться с этим сборищем, что решило насмехаться над ним.

– Итак, кто-нибудь считает, что это смешно? – с нажимом проговорил Смиль, обводя взглядом, не предвещающим ничего хорошего, толпу.

Воцарилась тишина, и парень немного успокоился. Что ж... его здесь все еще уважали. А с Дейной он разберется. Рано или поздно девчонка станет его, станет подчиняться каждому его слову и заглядывать ему в рот. Пусть пока радуется сомнительной победе.

Глава четвертая

Эри просыпалась медленно. Она всегда, сколько я ее помнила, тяжело вставала. Это противоречило ее характеру, но разбудить подругу – дело непосильное даже для терпеливых. Тар, очевидно, был из очень терпеливых, потому что он почти час утром сидел возле Эри, пока она не соизволила наконец открыть глаза. Подруга улыбалась, обнимала парня, но просыпаться не желала.

А я лежала на соседней кровати, делая вид, что сплю, и прятала улыбку, потому что эти двое выглядели как настоящие влюбленные, и я искренне желала, чтобы у них все получилось.

– Эри, вставай! – Тар прибег к последнему способу и начал ее щекотать.

Визг, наполнивший нашу комнату, разбудил всю общагу. Из-за стены слышались возмущенные удары и ругань.

– Тар! – Эри бросилась к нему на шею. – Ты вернулся?! Обвинения сняли?

– Сняли, – просиял парень. – Не объяснили почему, но отпустили. Жаль, что я пропустил бал.

Эри вдруг оторвалась от любимого и бросилась ко мне. Я вскочила и отползла к стене, забыв о том, что вроде как сплю. Но Эри это не помешало: меня заключили в объятия и едва не зацеловали насмерть.

– Спасибо! Не знаю, как ты это сделала, но спасибо!

– Это ты? – Тар улыбнулся мне. – Спасибо.

– Я рада, что тебя отпустили. Эри, пожалей мои ребра, – простонала я. – Когда тебе на практику?

– В понедельник. – Подруга вернулась на колени к Тару.

Она должна была проходить практику в городской оранжерее. Меня же взяли в небольшую гостиницу для охотников, что в двух сутках пути к северу от университета. Хоть со всех сторон нам и говорят, что маги общей практики не останутся без работы, по факту нас берут только на такие места. Хотя мне нет смысла жаловаться, я сама отказалась от родовой магии и старательно прячу все, что выбивается из образа магически слабо одаренной адептки.

– А ты, Дейна, когда уезжаешь? – спросил Тар.

– После обеда. Если хочу приехать вовремя и успеть обустроиться, надо торопиться.

– Я помогу с вещами. – Тар кивнул на большой чемодан, стоявший в углу.

– Смиль не станет мстить? – Эри обеспокоенно закусила губу.

– Не думаю. Он еще долго никому не будет мстить, – хмыкнула я. – Он в полной... э-э-э...

Раздался стук в дверь.

– Это что, проходной двор?! – рывкнула я, выбираясь из постели.

– Дейна! – хором воскликнули Тар и Эри.

Но я уже распахнула дверь, намереваясь высказать гостю все, что накопело.

За дверью стоял Кэдерн. Я думала о нем всю ночь, пока усталость не сморила, но все равно вздрогнула от неожиданности. Он осмотрел меня с ног до головы, хмыкнул и произнес:

– Дейна, я хотел с вами поговорить, пока вы не уехали.

Обалдеть! Он знает, когда я уезжаю?!

– Э-э-э... Хорошо, господин директор.

– Тогда оденьтесь и выйдите, адептка Сормат.

Я покраснела. Ночная рубашка была слишком короткой для встречи с директором.

– Один момент! – Я захлопнула дверь перед его носом.

Эри и Тар смеялись обнявшись.

– Вот идиоты влюбленные, – пробурчала я и пошла одеваться.

Директор все так же ждал за дверью, когда я, непричесанная, но уже закутанная по самое горло, вышла, всем видом демонстрируя острую нехватку времени. Мне неловко было с ним разговаривать, особенно после признания.

– Дейна, вы очень рисковали вчера ночью.

– О чем вы? – Я прищурилась.

– Об иллюзии, на которой Смиль убил Лувана.

– Смиль убил Лувана?

Директор поморщился.

– Давайте не будем делать вид, будто вчерашнего разго-

вора не было. Дейна, я хочу, чтобы вы больше не приближались к Смилю. Я недооценивал его. Считал обычным мальчишкой из богатой семьи. Но сегодня утром я имел разговор с его отцом, и еще раз вас прошу: не связывайтесь с Вирне. Оставьте это мне.

– Хорошо. – Я послушно кивнула.

А потом, прочитав что-то в глазах Кэдерна, уточнила:

– Он ведь сядет, да?

Директор отвел глаза.

– Что?! – Я задохнулась. – Он убил человека! Подставил Тара! Продавал дурман! Ему что, все сойдет с рук?

– Ты знаешь, кто отец Смиля?

Я напряглась. Он всегда козырял деньгами и статусом семьи, намекая на близость ко двору, но никогда не называл имен.

– Кажется, какой-то чиновник из городского совета. И что?

– Карнатар Морено, Дейна. Первый советник короля.

Мир обрушился.

Карнатар Морено... Человек, при звуках имени которого мне хотелось забиться куда-нибудь и реветь без остановки. Человек, из-за которого я ненавидела отца, из-за которого лишилась дома. И Смиль – его сын! Является ли ненависть Смиля результатом того, что Карнатар знает, кто я? Вряд ли. Тогда меня быстро убили бы, обставив все как несчастный случай.

– Смиль уйдет от наказания. – Это был не вопрос – утверждение.

– Не уйдет. – Кэдерн вздохнул. – Его будут лечить. Якобы мальчик болен. Сам король оплачивает лучших врачей.

– Сборище лживых тварей! – Я добавила еще парочку крепких словечек. – Теперь Смиль на пару с папашей будут насиловать девочек, запугивая их и стирая им память, а король будет бегать вокруг них и причитать о несчастной судьбе, что так жестока к молодым!

Кэдерн даже поперхнулся:

– Дейна...

– Смиль сядет, я вам обещаю. И Смиль, и его папаша. Давно надо было это сделать.

– Сделать что?

– Приятных каникул и счастливого Нового года! – Я присела в книксене.

– Дейна! – крикнул мне вслед директор.

Но я уже шла завтракать, обдумывая план. А после обеда уже сидела в карете, которая везла меня к гостинице «Волчий Угол», на практику.

* * *

Вывеска скрипела, раскачиваясь на ветру. Небольшой двухэтажный особняк выглядел безжизненным и унылым. Ставни были закрыты, на воротах висел массивный амбар-

ный замок. Стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь этим скрипом, который я уже ненавидела, хотя прибыла на место практики буквально минуту назад. Вокруг – ни души, ни следа на свежем слое снега, в окнах – ни малейшего признака жизни. Так себе местечко, стоит заметить...

Вздыхнув, я подхватила сумку и направилась к воротам. Они жалобно скрипнули и с некоторым трудом, но отворились. Небольшая дорожка, выложенная камнем, вела к крыльцу, с которого наледь не счищали, наверное, никогда.

Я уже занесла кулак, чтобы постучать, когда двери распахнулись и меня кто-то с диким криком толкнул прямо в сугроб. Я среагировала машинально, отправив нападающего в свободный полет на другую сторону дорожки.

– Ты чего? – раздался обиженный детский голос.

– А ты? – не менее обиженно отозвалась я.

– Я же не знал, что ты там стоишь! – справедливо возразило дите. – Меня господин Варц отпустил погулять.

Он оказался невысоким мальчишкой лет шести со смешно торчащими черными волосами. Худой до неприличия, одетый абы как, будто собирался в спешке и самостоятельно, без помощи родителей. Внимательные темные глаза изучали меня и, очевидно, сочтя неопасной, переключились на что-то за моей спиной.

– Вы – Сормат? – На меня уставился старик с большой лопатой в руках. – Вы работать приехали или валяться здесь?

– Ну, естественно, валяться, – пробурчала я и поднялась. –

Всю жизнь мечтала вдоволь поваляться в жопе мира.

Старик что-то пробормотал, но больше попыток заговорить не делал. Я понуро шла за ним, обдумывая, как за две недели практики не свихнуться в этой глуши.

– Вот твое рабочее место. – Он махнул на стойку с ключами и документами. – Будешь регистрировать приезжающих и выезжающих.

– Спаси-ибо, – протянула я, размышляя, что же здесь магического и чему я на такой работе научусь.

Старик, очевидно именуемый господином Варцем, разделся. Бросив потертый полушубок на диван, он, не глядя на какую-то там практикантку, скрылся в подсобке.

И где я, по его мнению, должна была спать? Неужто под стойкой?

– Господин Варц! А где мой номер?

– В домике для прислуги, номер два, – продребезжал голос старика.

– Домик для прислуги?

Мальчишка, который в это время с любопытством меня разглядывал, неопределенно махнул куда-то в сторону леса. Приглядевшись, я увидела маленький двухэтажный домик, с виду выглядевший так, словно годился лишь для летних посиделок, да и то без ночевки, чтобы простуду не схватить. И он предлагает мне спать в нем зимой?

– Вы что, серьезно? – Я категорически не желала отставать от Варца, который, судя по недовольному выражению лица,

изрядно тяготился моим вниманием.

– Можешь ехать домой, если не нравится, – отрезал старик.

Я осталась стоять с открытым ртом посреди холла. Мне доводилось встречать и высокородных хамов, и деревенских грубиянов. Но почему-то все девятнадцать лет жизни мысль о том, что дружелюбие возрастает по мере удаления от столицы, не желала покидать меня. Оказывается, в таких вот заброшенных местах обитают крайне интересные экземпляры рода людского.

– Не обращай внимания, – мальчик картинно закатил глаза, – Варц всегда такой. Он не любит людей.

– И работает с ними? Поразительная склонность к мазохизму, – покачала я головой. – Как тебя зовут?

– Эмиль, – ответил мальчишка.

– Я Дейна.

За стойкой было пыльно, всюду валялись клочки бумаги и прочий мусор. Судя по всему, Варц не утруждал себя интенсивной работой с документами. Открыв журнал регистраций, я подивилась, как он еще не разорился, – записи сделаны неаккуратно, явно впопыхах, причем разными почерками, что наводило на мысли, будто клиенты сами записывались и выписывались.

– Веселенькое место, – вздохнула я. – А питаетесь вы здесь чем?

– Мара кормит, – расплылся в улыбке Эмиль. – Готовит –

пальчики оближешь! Иногда добавку дает...

Он вдруг погрузился и замолк. Мне недосуг было разбираться в детских печалях, а потому я предпочла их не заметить и занялась поверхностной уборкой. К тому времени, как стемнело, я уже прилично прибралась. За стойкой теперь можно было находиться, не чихая беспрестанно и не спотыкаясь о всякий хлам. Старый стул, который я с помощью Эмиля откопала в кладовке, отлично вписался в интерьер и существенно облегчил мне работу.

– Сормат! – донеслось до меня, когда я ползала под столом и собирала заявки на проживание, по которым принимались заказы.

– Да, господин Варц!

– Вылезай.

Он хмуро смотрел на меня и на мои сумки, которые я так и не отнесла в свою комнату.

– Будь добра, убери барахло, чтобы гости не спотыкались. Сейчас приедет один человек, охотник, давний клиент. У нас есть свободный номер?

Кажется, я не ошиблась, и старик действительно не собирался делать мне поблажек. Я наспех глянула имеющиеся заявки и сверилась с журналом регистраций.

– Последний есть, – наконец получил ответ Варц.

– Он не забронирован?

– Вроде нет. Точно нет.

– Тогда поселишь его туда. И приберись там, прошлые

жильцы не выбросили старые носки, ими завален весь номер!

Пока я ловила челюсть, он быстро оделся и ушел на мороз. Залаяли собаки, приветствуя хозяина. Отстраненно я задумалась: собаки охотничьи или так, дворняжки?

Я тут что, должна выполнять работу горничной, дежурной и еще боги знают кого? Пообщавшись с Варцем, я уже не была уверена, что уеду с печатью. А провал практики равносильно отчислению.

Эмиль куда-то пропал – наверное, убежал к родителям или гулять. Я задумалась о том, кто вообще этот мальчик. Сын кого-то из постояльцев? Сын или даже внук Варца?

Отель представлял собой небольшой особняк, в два этажа, с чердаком и большим подвалом. В подвале, как это водилось издавна, хранили продукты и напитки. На чердаке – запасную мебель, хозяйственные товары, униформы и прочий хлам, нужный и не очень. На первом этаже располагались четыре одноместных номера, столовая, комната для отдыха, на втором – четыре двухместных, комната хозяина и небольшая кухонька для тех, кто предпочитал готовить сам. Впрочем, оснащение кухни едва ли соответствовало требованиям даже самого непритязательного охотника. Думаю, у загадочной поварихи Мары не было отказавшихся от питания.

А вот и магическая практика. Без колдовства я бы не вынесла уборки в комнате, которая выглядела так, будто там

толпа студентов жила пару месяцев. Разбросанные и явно забытые вещи, огрызки яблок, обертки от различных продуктов, куски засохшего хлеба, дохлые мухи, несколько книг, хаотично разбросанные бумажки, пыль месячной давности и жутко грязная ванная комната. Все это я бы отмывала и убирала весь оставшийся день, не меньше. Магия, существенно осложнявшая жизнь во многих вопросах, на этот раз действительно помогла, и я справилась за час с небольшим. Комната не то чтобы сияла, но в ней можно было жить без опасения споткнуться и сломать себе что-нибудь. Костеря на чем свет стоит таких постояльцев и хозяев, их принимающих, я вытащила последний мешок мусора и, запыхавшись, присела отдохнуть на скамейку, что стояла в коридоре.

Недовольный вид Варца меня совсем не порадовал.

– Где ты ходишь, Сормат? – возмутился он. – Там скоро клиент придет!

– Я убирала комнату для этого вашего клиента! – начала злиться я.

– Иди встречай его. Посели в номер. Потом сможешь поужинать.

– Вот спасибо, – буркнула я в спину уходящему старику.

Честное слово, если бы не эта печать, получил бы он у меня...

Клиентом оказался высокий статный мужчина. Седина чуть тронула его виски, но возраст не сказался ни на лице, ни на руках, что было странно. Он смотрел без насмешки, спо-

койно, но почему-то я интуитивно поняла, что передо мной очень властный человек.

– Здравствуйте, – улыбнулась я. – Добро пожаловать. Вам нужна комната?

– Здравствуйте. – Голос у него оказался очень приятный. – Да, побыстрее, пожалуйста, я с дороги и хочу отдохнуть.

– Хорошо, сейчас регистрируемся, и провожу вас. – Я открыла журнал. – Как вас зовут?

– Рейбэк Сантиори.

– На какой период?

– На три дня. Решил взять небольшой отпуск. Отдохнуть от жены, от детей. Да и вообще от этой огромной семьи.

Он не был похож на человека, который так просто открывает с посторонними, но то ли я вызвала у него доверие, то ли вечер был такой ясный, лунный, располагающий к разговорам.

– Большая семья... Везет вам.

– Да, везет. – Он почему-то задумался. – Не всегда это ценишь, но вообще это довольно весело.

– Ваши ключи. – Я зачем-то протянула ему два комплекта. – Прошу за мной, я провожу вас в номер.

– Знаете, – сказал Рейбэк, проходя в дверь, – я не так давно нашел способ... сюда приезжать. Это того стоит, поверьте. У вас красивые места, приятные люди. Интересное место, целый незнакомый мир!

Приветливые люди? Это он не о Варце, часом? Вот уж

приветливее не сыскать. Просто само обаяние. Но я лишь улыбнулась.

– Надеюсь, вам понравится. Место тихое, хотя все номера заняты. Большинство постояльцев – охотники, они предпочитают проводить время наедине с лесом и бывают в гостинице только ночами.

Я распахнула дверь комнаты, прошла вперед, пытаясь зажечь свет, и почувствовала неладное – по моей ноге что-то ползло. Когда свет наконец вспыхнул, я заорала, увидев тучу черных пауков размером с хорошую ладонь. Они сновали туда-сюда по комнате, некоторые плели в углах паутину. Один паук сидел посреди кровати и нагло жрал мышь. Мышь! Я онемела от шока. Только что, буквально пять минут назад, я вылизала комнату. Мимо меня не мог пробежать не то что паук – таракан! А теперь целая стая мохнатых монстров заняла комнату, предназначенную клиенту.

– Слушайте, мы этого не планировали! Я... кхм... прошу прощения. Клянусь, я лично убиралась здесь полчаса назад и не видела никаких пауков!

Рейбэк был поражен не меньше, чем я.

– Охотно верю, – хмыкнул мужчина. – Но мне хотелось бы спать одному, знаете ли.

– Я вас понимаю. – Паук карабкался по моей ноге, то и дело соскальзывая. – И я без понятия, как они здесь оказались.

– Что ж, они здесь. – Рейбэк усмехнулся. – Может, поменятье мне номер? Или у вас какой-то съезд... паучий?

– Это единственная свободная комната. Сейчас я их!..

– Сормат! – раздался зверский крик Варца.

Я наконец нашла в себе силы стряхнуть отвратное создание.

– Какого демона здесь делают пауки?! – Варц был красный от злости.

Рейбэк поморщился:

– Да не поминайте вы демонов, ради ваших богов. Ну пауки, что страшного?

– В моем отеле – пауки? – продолжал надрываться старик. – Эта девка тут всего полдня, а уже развела какую-то живность. Вон!

Я даже вздрогнула, понимая, что возражать и взывать к разуму бесполезно.

Мельком я взглянула на Рейбэка. Тот стоял задумавшись и рассматривал пауков.

– Вон, я сказал!

– Да погоди ты, – к моему удивлению, махнул рукой клиент. – Варц, ты что, не с той ноги сегодня встал? Пауков я уберу. Девушка здесь ни при чем. Или ты думаешь, что она в чемодане их привезла?

– Да нет, – как-то сник Варц, – не думаю.

– Ну так и не ори, – посоветовал ему Рейбэк.

– Ладно, – проворчал старик. – Убедил.

И, немного подумав, шикнул на меня:

– Быстро иди ешь! Пока Мара не убрала со стола. И зачем

я связался с практикантами? Одни беды!

– А затем, – сказал Рейбэк, – что сменщик тебе не по карману, а адепты работают бесплатно. Так что радуйся, что хоть кто-то есть.

Мой желудок давно уже требовал чего-то съестного, а потому дважды повторять не пришлось. Я мгновенно выскочила из комнаты, все еще полной пауков. Напоследок, когда я пробегала мимо, Рейбэк мне подмигнул, и немного отпустило.

Мара оказалась действительно приятной и щедрой женщиной. Я пришла на ужин последней, когда кухарка уже колдовала над грязной посудой, но все же удостоилась двойной порции картошки и котлет, а еще невероятно вкусного кекса с чаем. Слопав все в один присест, я с удовольствием потянулась, мечтая поспать. И вспомнила, что все мои вещи еще находятся не в отведенном для них месте. На дворе – ночь, скользко, холодно, а я с чемоданом должна тащиться в домик прислуги. Нет, Варцу определено стоит сделать в гостинице ремонт.

Мара собралась уходить, пришлось и мне покинуть столовую. Как я узнала, повариха жила не в домике, а в деревне неподалеку. На мой вопрос, как же женщина доберется до дому в такой темноте, она лишь рассмеялась, и я почувствовала себя настоящей городской неженкой. Действительно, что сложного дойти до леса с большой сумкой? Гораздо легче, нежели отбиться от Смилевых дружков на озере.

Однако тащить чемодан самой мне не пришлось. Едва я оделась и собралась выходить, как столкнулась в дверях с новым постояльцем, который прогуливался по веранде. При виде Рейбэка, одетого лишь в рубашку, я невольно передернула плечами под своей шубкой.

– Давайте-ка я вам помогу, – сказал мужчина и взял мой чемодан.

– Спасибо.

Он нес тяжелый чемодан, даже не напрягаясь. На вид ему было лет пятьдесят, но мне казалось, что Рейбэк моложе, да и чувствовал он себя явно лучше, чем полагалось в его возрасте. Мой отец, к примеру, давно уже перестал выходить из мастерской – замучили вечные простуды и радикулит.

– Варцу стоит пересмотреть свое обращение с персоналом, – сказал вдруг Рейбэк. – Он неплохой, но привык быть один. Эта гостиница раньше принадлежала его дочери, а теперь ему приходится самому со всем управляться.

– Дочь умерла? – спросила я.

– Да какой там! – Рейбэк махнул рукой. – Надоела жизнь в глуши, переехала в столицу. Играет в театре. Она ведь неплохая девчонка, хотела забрать отца, а он ни в какую. Тошно ему здесь, но назло дочери работает.

– Странные люди. – Я покачала головой.

– Любой охотник был бы рад жить в этом домике. – Рейбэк поставил чемодан на ступеньки и забрал у меня ключи. – А вот прислуга – в основном молодые девочки, и им навверняка

не по себе сюда возвращаться.

– Это точно. – Я поежилась.

Вокруг темнел лес, и сквозь ветви деревьев вдалеке виднелись огни отеля, настолько слабые, что даже мне, обладавшей зрением в полтора раза лучшим, нежели нормальное, было их плохо видно.

– Дейна, будьте осторожны, – предупредил Рейбэк. – Пауки обычно появляются там, где свирепствует нечисть. Если в лесу кто-то завелся, я его отловлю, но вдруг что-то случилось в доме? Молодые девушки для них – самые лакомые кусочки.

– Э-э, спасибо, – протянула я.

– Моя жена, – помолчав, неожиданно сказал Рейбэк, – младше меня на тридцать лет. Почти ваша ровесница. Она хочет быть ученым, много знать и уметь объяснять магические вещи обычными законами природы. Но даже она говорит: «Не хочешь, чтобы укусили за задницу, читай знаки». Читайте знаки, Дейна.

– Спасайте задницу! – Я рассмеялась. – Спасибо, – сказала я. – Дальше я, наверное, справлюсь. По крайней мере с чемоданом.

– Давайте все же донесу до комнаты. Ночной лес – зрелище, бесспорно, прекрасное, но здесь слишком холодно.

– Вы необычайно добры. – Я усмехнулась.

– А вы, Дейна?

– Что?

– Вы не добры?

– Нет, – после секундного замешательства ответила я. – Я не так воспитана. Доброта – слабость.

– Вы так не считаете.

– Возможно... Но добрые люди меньше живут.

– Факт, – рассмеялся Рейбэк. – Вот и все. В комнату занесете сами? А то меня жена не поймет.

– Занесу. – Я рассматривала невзрачную обстановку большого полутемного коридора, в котором вдоль обеих стен тянулись хлипкие двери. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – попрощался Рейбэк. – Я сообщу, если найду причину, по которой нас навестили насекомые.

Он ушел, а я принялась искать комнату под номером два.

Ничего лишнего: кровать с тоненьким матрасом, небольшой шкаф, стол. Стул, тумба и полки – роскошь для такого места, как «Волчий Угол». Слишком просто было бы, если бы комната для прислуги имела все необходимое. Постельного белья я тоже не обнаружила. Что ж, мне приходилось ночевать там, где вовсе не имелось кровати.

Наспех соорудив подушку из теплого свитера, связанного мамой, я, укрывшись пледом, который взяла из дома, заснула.

Было холодно, темно, страшно и одиноко. Равно как и последующие две недели.

Несколько дней Рейбэка вскоре превратились в неделю, потом в десять дней. Я искренне радовалась его присутствию, Варц словно бы уважал гостя больше остальных. При нем мне не так доставалось за каждый промах. А Рейбэку, видимо, было скучно. То время, что он не посвящал охоте, проводил в холле, развлекая меня рассказами и подбадривая шутками.

Еще немного скрашивал северные холодные будни Эмиль. Он оказался хоть и хулиганом, но милым и непосредственным. К тому же, похоже, я ему понравилась. По крайней мере, именно мне он доверял все свои секреты и жаловаться прибегал тоже ко мне.

Собственно, с него-то все и началось.

Я просто поинтересовалась, где его родители.

– Папа ушел на охоту, – грустно поведал мне Эмиль. – И не вернулся.

– Давно? – спросила я, пораженная известием.

– Две недели назад, – вздохнул мальчик. – Он хороший охотник. Его не могли съесть. Он в беде.

– Ты сообщил Варцу?

– Сообщил. – Эмиль шмыгнул носом. – Он сказал, что это не его проблемы.

Возмущенная и разъяренная видом плачущего мальчика,

я направилась к Варцу.

Тот меня внимательно выслушал и выдал потрясающую в своей циничности фразу:

– Да насрать мне на его отца! Нет мозгов, так хоть бы и помер. Надо мальчишке – пусть сообщает, куда считает нужным, только у него все равно нет денег на поисковый отряд, как и у тебя, глупая ты девка. Через три дня закончится их путевка, пускай готовится выметаться.

Засим Варц откланялся и ушел в неизвестном направлении.

– Доброй? Быть доброй? – возмутилась я, рассказав обо всем Рейбэку. – Это с такими козлами я должна быть доброй?!

– Ох, Дейна, – покачал головой Рейбэк. – Варц, конечно, поступил жестоко. Но сама подумай: откуда у него средства на поиски? Он старый человек.

– И это дает право выбрасывать ребенка на мороз?

– Нет, конечно, нет, – задумчиво проговорил Рейбэк. – Нужно что-то придумать.

– Что? На поиски идти опасно.

– Опасно, – согласился со мной мужчина. – Дай мне время. У нас есть три дня, так? За это время что-нибудь придумаю.

Скрепя сердце я согласилась. Но все равно каждый раз вздрагивала, едва видела Эмиля. Каково потерять отца вот так глупо и жить в постоянном ожидании, что он вернется

из леса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.